

КАК ПРОИЗОШЕЛ ПЕРЕВОРОТ В РОССИИ

Настоящие записки под заглавием «Как произошел переворот в России» составлены мною по уцелевшим моим записным книжкам, заметкам и по памяти. Весь подлинный официальный материал находится в сохранности, но в настоящее время я не имею возможности им воспользоваться.

23 февраля

Приезд из Царского Села в Ставку.

Государь император отбыл из Царского 23 днем. В этой последней поездке его величество сопровождали лица, обычно в годы войны при нем находившиеся:

1. Министр императорского двора, генерал-адъютант, граф Владимир Борисович Фредерикс.

2. Флаг-капитан, генерал-адъютант Константин Дмитриевич Нилов.

3. Дворцовый комендант, с. е. в. генерал-майор Владимир Николаевич Воейков.

4. В должности гофмаршала, с. е. в. генерал-майор князь Василий Александрович Долгорукий.

5. Начальник военно-походной канцелярии, с. е. в. генерал-майор Кирилл Анатольевич Нарышкин.

6. Командир конвоя его величества, с. е. в. генерал-майор граф Александр Николаевич Граббе граф Никитин.

7. Генерал-майор Дмитрий Николаевич Дубенский.

8. Командир собственного его величества железнодорожного полка генерал-майор Сергей Александрович Цабель.

9. Лейб-хирург его величества, профессор Сергей Петрович Федоров.

10. Церемониймейстер барон Рудольф Александрович Штакельберг.

11. Флигель-адъютант полковник герцог Николай Николаевич Лейхтенбергский.

12. Флигель-адъютант полковник Мордвинов. Офицеры конвоя его величества, собственного железнодорожного полка, сводного его величества полка и, кроме того, обычный, небольшой состав чиновников министерства двора, нижних чинов и прислуги.

От Царского сначала отошел свитский поезд, а затем через час собственный его величества поезд.

Нам предстояло ехать по Николаевской жел. дороге до Лихославля, затем на Вязьму, Смоленск, Оршу и Могилев. Мы ехали, как я сказал, в постоянном нашем составе, и я давно привык к моим сослуживцам, находясь с ними в добрых отношениях; жизнь в Ставке любил, а тем не менее с большой тревогой оставлял на этот раз родной город.

Я уезжал беспокойно, да и все были в таком же состоянии.

Предполагали, однако, что поездка в Ставку на этот раз продолжится несколько дней и к 1 марта его величество вернется в Царское.

Весь путь наш прошел совершенно обычным порядком; всюду было спокойно: в городах царские поезда встречались местным начальством.

Станции были пустынные, так как поезд был неожиданный и никто почти не знал о следовании государя. Только в Ржеве, Вязьме и Смоленске народу было больше, и он приветливо встречал царя, снимал шапки, кланялся, кричал «ура».

В Могилев мы прибыли на другой день вечером. Государь был встречен генерал-адъютантом Алексеевым и высшими командными лицами.

Его величество приехал к себе во дворец, то есть бывший губернаторский дом. Мы все разместились по своим помещениям.

Обычная жизнь царской Ставки началась. В тот же вечер я посетил разных лиц, видел много штабных генералов, офицеров, спрашивал, как идут дела на фронте, какие события в самом Могилеве.

— У нас все по-прежнему, на фронте затишье, спокойно, новостей особых нет, — отвечали мне.

— Но что делается в Петрограде? По газетам, агентским телеграммам (без цензуры) там ожидают тревожных дней, предстоят будто бы волнения из-за недостатка хлеба. А Дума и часть Государственного совета так же беспокой-

ны... Здесь опасаются, как все это пройдет и что будет дальше...— спрашивали меня в свою очередь.

Государь находился в обычном своем настроении: ровен, спокоен, приветлив и к вечеру принял с коротким докладом генерал-адъютанта Алексеева.

Весь вечер мы долго беседовали с к. д. Ниловым и с. п. Федоровым на тему, о тех сюрпризах и неожиданностях, которые нам принесет будущее: словом, рисовалась нам невеселая перспектива.

Когда я вышел из дворца в первом часу ночи, тихий мягкий снег спускался с неба — начиналась оттепель. У подъезда стояли в своих дубленых полушубках часовые Георгиевского батальона, а в садике, между дворцом и управлением дежурного генерала, дежурила дворцовая полиция; на крыше дома генерал-квартирмейстера ясно виднелись пулеметы в чехлах, установленные на случай налета неприятельских аэропланов, и около них фигуры часовых в папахах и постовых шинелях.

Могилев. Пятница, 24 февраля

После утреннего чая государь отправился на доклад генерал-адъютанта Алексеева, который обычно происходил в генерал-квартирмейстерской части, помещавшейся рядом, в здании «губернских присутственных мест». На докладе всегда присутствовали только помощник начальника штаба генерал Клембовский и генерал-квартирмейстер генерал-лейтенант Лукомский. Доклад тянулся до завтрака, то есть до 12.30.

К завтраку было много приглашенных: свита государя, великие князья Сергей и Александр Михайловичи, генерал-адъютант Н. И. Иванов, все иностранцы военных миссий. Его величество в защитной рубашке, в погонах одного из пехотных полков, обошел всех, здороваясь и разговаривая с некоторыми из приглашенных. Государь был в обычном спокойном, приветливом настроении.

Тихо спрашивали друг друга: «Какие вести из Петрограда?» Передавали, что только что полученные телеграммы сообщили о волнениях в рабочих кварталах; но в общем высочайший завтрак прошел так же, как и всегда.

После двух часов государь с Воейковым, дежурным флигель-адъютантом герцогом Лейхтенбергским, князем Долгоруким, графом Граббе и лейб-хирургом Федоровым поехали в автомобиле за город по шоссе для прогулки. Часа через полтора его величество вернулся и прошел к себе в кабинет.

Затем был дневной краткий чай, после которого государь снова ушел в кабинет на обычные занятия и оставался там до обеда. Все шло по внешности давно установленным порядком, — и это внушало какую-то уверенность, что сюда, до Ставки, никакие волнения не докатятся и работа высшего командования будет идти независимо от всяких осложнений в столице.

Генерал-адъютант Алексеев был так близок к царю и его величество так верил Михаилу Васильевичу, они так сроднились в совместной напряженной работе за полтора года, что, казалось, при этих условиях какие могут быть осложнения в царской Ставке. Генерал Алексеев был деятелен, по целым часам сидел у себя в кабинете, всем распоряжался самостоятельно, встречая всегда полную поддержку со стороны Верховного главнокомандующего.

В это время состав Ставки и высшее командование на фронтах были следующие: начальник штаба, генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев.

Его помощник, генерал от инфантерии Вячеслав Наполеонович Клембовский.

Генерал-квартирмейстер, генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский.

Дежурный генерал, генерал-лейтенант Петр Константинович Кондзеровский.

Начальник военных сообщений, генерал-майор Тихмеев, начальник морского отдела адмирал Русин.

Полевой генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович.

Генерал-инспектор военно-воздушного флота, великий князь Александр Михайлович.

Походный атаман великий князь Борис Владимирович. Его начальник штаба, с. е. в. генерал-майор Африкан Петрович Богаевский.

Полевой интендант генерал-лейтенант Егорьев. Протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский.

При особе его величества:

Великий князь Георгий Михайлович.

Генерал-адъютант Николай Иудович Иванов.

Военные агенты:

Великобритании, генерал Вильямс.

Франции, генерал Манжен.

Бельгии, генерал барон де Риккель.

Сербии, полковник Леонткевич.

Италии, помощник военного агента, полковник Марсенго, и другие, фамилии которых не припоминаю.

Главкомандующие фронтами:

Наместник е. и. в. на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией великий князь Николай Николаевич. Его помощник и командующий Кавказской армией генерал Николай Николаевич Юденич.

Главкомандующие:

Северным фронтом — генерал-адъютант Николай Владимирович Рузский.

Западным — генерал-адъютант Алексей Ермолаевич Эверт.

Юго-Западным — генерал-адъютант Алексей Алексеевич Брусилов.

Румынским — генерал Владимир Викторович Сахаров, начальник главной санитарной и эвакуационной части его императорское высочество принц Александр Петрович Ольденбургский.

Туркестанский генерал-губернатор, генерал-адъютант Алексей Николаевич Куропаткин; генералы Клембовский, Лукомский, Кондзеровский — ближайшие помощники генерала Алексеева, — все это умные толковые люди, известные генералы Генерального штаба, работали свое дело усердно, и вообще Ставка была поставлена твердо.

Гарнизон Ставки состоял из следующих частей:

1. Георгиевский батальон, сформированный для охраны Ставки во время войны и составленный исключительно из раненых георгиевских кавалеров; это были избранные по своим заслугам люди. Командовал ими генерал-майор Пожарский, тоже георгиевский кавалер, видный, прекрасный боевой командир. Все офицеры, подобно солдатам, — раненые и георгиевские кавалеры. По своему виду, по своей безукоризненной службе Георгиевский батальон являлся превосходной частью. Люди одеты были в их красивую форму с георгиевскими цветами. Нельзя было не любоваться часовыми, стоявшими у подъезда государя, командами, караулами этого батальона, встречавшимися по городу.

2. Одна очередная сотня конвоя его величества. Казаки-конвойцы несли свою обычную службу внутренних постов во дворце государя. В Ставке постоянно находился командир конвоя с. е. в. генерал-майор граф Александр Николаевич Граббе, граф Никитин и очередные офицеры дежурной сотни. Внешний вид конвойцев и их выправка обращали на себя внимание, в особенности иностранцев, всегда поражавшихся и нарядностью формы и красотой кавказских казаков.

3. Одна (кажется) дежурная рота сводного его величе-

ства полка. Люди этой части отличались превосходной выправкой и очень внимательной дворцовой службой. Командир полка с. е. в. генерал-майор Ресин находился постоянно в Царском Селе, а в Ставку поочередно командировался один из старших полковых штаб-офицеров и офицеры дежурной роты.

4. Несколько команд собственного его величества жел.-дорожного полка, обслуживавших технически императорские поезда во время их движения и в Ставке. Командир полка генерал-майор Сергей Александрович Цабель держал свою часть в отличном виде.

Затем была противоаэропланная батарея, и, насколько помнится, строевых частей больше не было, если не считать автомобильной роты, обслуживавшей во время войны огромный гараж Ставки. Командир роты, капитан Вреден, умело вел свое трудное дело.

Гарнизон был невелик, но находился в полном и блестящем порядке.

Писарские и нестроевые команды особенно разрослись, и потребность в писарях значительно возросла и расширилась. Все части и команды были размещены в казармах и других помещениях, содержались прекрасно и положительно гордились, что они служат в царской Ставке при государе императоре.

А все-таки, при всех этих кажущихся благоприятных условиях жизни и работы Ставки, уже с первых часов приезда туда государя чувствовалась некоторая неуверенность в ближайших событиях, но не в смысле военного порядка в самой Ставке, а в общей государственной жизни России. Определенно об этом говорили редко, но в полусловах, в замечаниях сказывалось беспокойство.

Вечером, после обеда, который ничем не отличался от предыдущих высочайших обедов, я отправился на телефонную станцию для переговоров через Царское с Петроградом. Телефонист мне передал, что только что окончился разговор государя (из его кабинета) с императрицей в Царском, длившийся около получаса.

По телефону узнал, что сегодня, 24 февраля, в Петрограде были волнения на Выборгской стороне. Толпы рабочих требовали хлеба, и было несколько столкновений с полицией, но все это сравнительно скоро успокоилось. В Петрограде многие не верят в искренность этих требований, выражающую общее недовольство правительством. Передали также, что на завтра ожидаются гораздо большие волнения и беспорядки. Войска получили приказ оставаться в казармах и быть готовыми к немедленному выступле-

нию по требованию властей. Я обещал переговорить на следующий день вечером, чтобы узнать, что произошло в Петрограде за день. В этот вечер я узнал, что поступившие телеграммы также ничего радостного не сообщили.

Могилев. Суббота, 25 февраля

Уже с утра в Ставке стало известно, что волнения в Петрограде приняли широкие размеры. Толпы появились уже на Невском у Николаевского вокзала, а в рабочих районах, как и вчера, народ требовал хлеба и стремился производить насилия над полицией. Были вызваны войска, занявшие площади, некоторые улицы. Революционное настроение масс росло. Государственная дума, с Родзянко во главе, предъявляла правительству новые настойчивые требования о реорганизации власти. Все эти тревожные сведения достигли Могилева отрывочно, и определенных сообщений о мероприятиях, принятых властями для подавления беспорядков в столице, не было.

Меня интересовал вопрос, как относятся в Ставке к петроградским событиям. Здесь были лица, которые в силу своего высокого служебного положения должны были ясно определить картину начавшихся революционных выступлений. Таких людей в Ставке было двое — и оба они близко стояли к государю и обязаны были отозваться на петроградские события и понять весь их ужас. Это генерал-адъютант М. В. Алексеев и дворцовый комендант генерал Воейков. Генерал Алексеев пользовался в это время самой широкой популярностью в кругах Государственной думы, с которой находился в полной связи. Он был надеждой России в наших предстоящих военных операциях на фронте. Ему глубоко верил государь. Высшее командование относилось к нему с большим вниманием. На таком высоком посту редко можно было увидеть человека, как генерал Алексеев, к которому люди самых разнообразных партий и направлений относились бы с таким доверием. Уже одно то, что его называли по преимуществу Михаил Васильевич, когда о нем упоминали, говорит о всеобщем доброжелательном отношении к нему. При таком положении генерал Алексеев мог и должен был принять ряд необходимых мер, чтобы предотвратить революцию, начавшуюся в разгар войны, да еще в серьезнейший момент, перед весенним наступлением нашим. У него была вся власть. Государь поддержал бы его распоряжения. Он бы действовал именем его величества. Фронт находился в его руках, а Государственная дума и ее прогрессивный блок не решились

бы послушаться директив Ставки. К величайшему удивлению, генерал Алексеев не только не рискнул начать борьбу с начавшимся движением, но с первых же часов революции выявилась его преступная бездеятельность и беспомощность. Как это случилось, понять трудно.

Дворцовый комендант генерал В. Н. Воейков благодаря своему положению должен был хорошо знать, что происходит в столице. От Министерства внутренних дел и от своих агентов он имел сведения о политическом движении. Ему открыты были все пути, и он обязан был неуклонно и настойчиво добиваться мероприятий для прекращения начавшихся волнений. А между тем Воейков, прибыв с государем в Ставку накануне революции, не обращал внимания на надвигавшиеся события и занимался личными, пустыми делами, вроде устройства квартиры для своей жены, которую ожидал на днях в Могилев и для которой был нанят дом. Я не могу понять — неужели он не верил, что положение так грозно и надо безотлагательно принимать меры, тушить занимавшийся пожар. Должен, однако, сказать, что в этот день (25 февраля) Воейков, видимо, все-таки тревожился, ходил весь красный, с широко раскрытыми глазами, меньше буфонил, но никто не слышал ни о каких серьезных с его стороны распоряжениях.

Генерал Алексеев и генерал Воейков получали известия из Петрограда, совещались, докладывали обо всем государю, но они единственные, которые могли сокрушить мятеж, никаких мер не принимали.

Государь, вероятно, и не все знал, так как он был совершенно спокоен и никаких указаний не давал.

Генерал Воейков вообще не пользовался большим авторитетом в глазах государя в делах широкого государственного значения, но при начавшейся революционной смуте, угрожавшей царскому дому, он мог и был обязан настоять на решительных мероприятиях в том виде, в каком это требовалось обстоятельствами. Надо было спасти положение и, может быть, сделать необходимые уступки, весьма срочные и толковые, дабы сохранить порядок.

Весь мой вечер прошел в продолжительных беседах с С. П. Федоровым, К. Д. Ниловым и бароном Штакельбергом. Грустное сознание, что ничего не делается для восстановления порядка, что все как-то опустили руки и словно боятся проявить необходимую твердость власти, — это чувство слабости и беспомощности, — охватывало и нас.

Любопытно отметить, что, безусловно, вся свита и со-

стоящие при государе признавали в это время неотложным согласие государя на ответственное министерство и переход к парламентарному строю.

Генерал-адъютант Нилов, князь Долгорукий, граф Фредерикс и другие находили, что эта мера упрочила бы положение царской фамилии в России и могла бы внести успокоение в страну.

Внешняя жизнь Могилева — прежняя. Спокойно и тихо на улицах. Государь выезжал на прогулку, были высочайшие завтраки и обеды; а все остальное время его величество занимался в своем кабинете, принимал графа Фредерикса, генерала Воейкова, генерал-адъютанта Алексеева; утром того же дня происходил обычный доклад по генерал-квартирмейстерской части.

Государь внимательно следил за сведениями, полученными с фронта за истекшие сутки, и удивлял всех своей памятью и вниманием к делам. В субботу легли все поздно и заснули беспокойно. Его величество еще долго не ложился, занимался в своем кабинете.

Могилев. Воскресенье, 26 февраля

Государь был у обедни. Церковь переполнена молящимися — генералами, офицерами, командами солдат и простыми прихожанами. Свита его величества — генерал-адъютант Алексеев, генерал Кондзеровский — находилась в храме. Служил протопресвитер Георгий Шавельский.

После обедни государь прошел на доклад в генерал-квартирмейстерскую часть, который продолжался недолго. Никаких важных событий за субботу не произошло, и вести от союзных армий были также спокойного характера.

На завтраке по случаю воскресенья много приглашенных: все наличные иностранцы, то есть не только военные агенты, но и их помощники. Государь обходил всех, здоровался и довольно долго беседовал с английским генералом Вильямсом, которого ценил как высокопорядочного человека, толкового и дельного военного агента.

Среди присутствовавших на завтраке шли разнообразные разговоры о печальных событиях в Петрограде, но по внешности это был обычный царский воскресный завтрак. Около двух часов государь с Воейковым, графом Граббе, герцогом Лейхтенбергским и профессором Федоровым поехал по Бобруйскому шоссе на прогулку и вышел около часовни в память 1812 года и гулял там не более часа. Мне передавали, что его величество не поднимал никаких во-

просов о происходящих событиях и вообще почти не разговаривал ни с кем и задумчиво гулял по лесной дорожке.

Однако уже с утра государя глубоко заботили события в столице. Он не раз беседовал о них с графом Фредериксом, с Воейковым, Алексеевым, Ниловым и другими, более близкими ему людьми. Государь говорил, что его тревожат отрывочные известия, получаемые из царского, что он волнуется за Петроград, за императрицу и всю семью, тем более что наследник хворает корью.

Ближайшим попечителем и, так сказать, охранителем государыни и детей в Царском в это время был обер-гофмаршал генерал-адъютант граф Павел Константинович Бенкендорф. Это разумный, спокойный, выдержанный и в высшей степени благородный человек, глубоко преданный их величествам и всей семье. На него и надеялся государь, ибо никаких других лиц опытных не находилось в Царском Селе в эти дни. Вновь назначенный помощником дворцового коменданта генерал Гротен мало знаком был еще с дворцовой службой.

В Царском, конечно, имелся огромный штат дворцовых служащих, конвой его величества, сводный его величества полк, но всеми этими людьми надо было руководить в наступившие критические часы.

В самом Петрограде, где уже шли беспорядки, не было заметной авторитетной власти, не было имени, которое знали бы народные массы. Командующий петроградскими войсками генерал Хабалов — ничем не заметный генерал, а имя министра внутренних дел Протопопова стало ненавистно Петрограду и всей России. Государь все это, вероятно, понимал, но сам никаких указаний не давал и словно мирился со всем тем, что происходило. Чувствовалось, что от него указаний и директив не будет, и в эти тяжелые минуты надо было помогать его величеству, а не ждать инициативы от измученного царя. Хотелось верить, что эту законную помощь, верное служение присяге своему императору даст прежде всего его начальник штаба, его генерал-адъютант Алексеев, все знавший, со всеми сносившийся и пользовавшийся, как я уже говорил, полным доверием Верховного главнокомандующего.

Но этого не случилось. Не попытался также прийти на помощь государю и его дворцовый комендант, не проявив никакой деятельности в это тяжелое время. Воейков не сумел задержать измену государю и прекратить начавшуюся революцию в то время, когда можно было многое еще сделать.

После обеда его величество принял у себя в кабинете

сенатора Трегубова, помощника генерал-адъютанта Алексева по гражданской части с докладом, касающимся событий данной минуты. Государь долго беседовал с этим неглупым пожилым судебным деятелем, не возражал Трегубову, но твердых личных указаний не дал.

Государь, окруженный своей свитой, своим штабом, находившимся здесь, в царской Ставке, великими князьями Борисом Владимировичем, Сергеем и Александром Михайловичами, был страшно все-таки одинок. У него не было людей, которые понимали бы сложную чистую его душу. Не было людей, которые имели бы особый вес в глазах государя. Ко всем «своим» его величество относился ласково, внимательно, ценил их преданность, но при большом уме государя он ясно понимал окружающих его ближайших лиц и сознавал, что они не советчики ему. Государь привязан к графу Фредериксу за его благородный характер, честность, за долгую преданность своему дому, но он понимал, что министр двора, старец 78 лет, с которым трудно поделить мыслью по государственным делам и задачам России. Государь хорошо относился к Нилову, верил ему, но его величество не мог устранить в себе некоторого шутивого отношения к характеру своего флаг-капитана за его горячность. Государь ценил Нилова просто как прямого, честного служаку. К Воейкову государь относился доверчиво, как к распорядительному дворцовому коменданту, бодрому, веселому человеку, хорошему хозяину, но конечно, его величество чувствовал, что Воейков не советчик в государственных делах, и особого значения ему не придавал. Та ирония, с которой относились к Воейкову все окружающие, это прозвище «кувака», за его торговлю водой, понималась государем. Что касается всех остальных — князя Долгорукого, Нарышкина и других, — то это были просто для царя хорошие, приличные люди, и больше ничего.

Для государя было величайшее горе, что с ним в эти страшные дни не было его истинного и единственного друга — императрицы Александры Федоровны. Продолжительная тяжелая политическая обстановка, волнение за семью произвели в государе в эти дни положительный переворот в его душевных силах. Он стал как бы придавлен событиями и словно не отдавал себе отчета в обстановке и как-то безразлично стал относиться к происшедшему. «Неужели уже ничего нельзя сделать, — говорил я П. Федорову, — неужели нельзя найти человека, которого мог бы послать государь в Петроград для водворения порядка и обеспечения от случайностей царской семьи? Мне

кажется, такой человек есть в Ставке, это генерал-адъютант Иванов, герой настоящей войны. Его имя известно всей России, и если Николай Иудович немедленно отправится в Петроград и Царское, то, может быть, еще спасет положение». С. П. согласился, и мы на завтра, 27 февраля, решили отправиться к Иванову сообщить наши мысли, и, если он их одобрит, то просить его доложить государю о его желании отправиться в Петроград и принять командование над войсками столицы для водворения порядка.

Ни вчера, ни сегодня не было уже возможности переговорить с Петроградом, так как телефон все время был соединен с кабинетом его величества в Ставке для переговоров с царскосельским дворцом.

Я ждал с нетерпением завтрашнего дня, дабы скорей переговорить с генерал-адъютантом Ивановым.

Могилев. Понедельник, 27 февраля

Ночью в Ставке были получены определенные известия, что в Петрограде начался солдатский бунт и правительство бессильно водворить порядок. Я видел М. В. Алексева; он был очень встревожен и сказал: «Новые явления — войска переходят на сторону восставшего народа».

Как на причину быстрого перехода войск на сторону бунтовавших рабочих и черни указывали в Ставке на крайне неудачную мысль и распоряжение бывшего военного министра Поливанова держать запасные гвардейские батальоны в самом Петрограде в тысячных составах. Были такие батальоны, которые имели по 12—15 тысяч. Все это помещалось в скученном виде в казармах, где люди располагались для сна в два-три и четыре яруса. Наблюдать за такими частями становилось трудно, не хватало офицеров, и возможность пропаганды существовала полная.

В сущности эти запасные батальоны вовсе не были преображенцы, семеновцы, егеря и т. д. Никто из молодых солдат не был еще в полках, а только обучался, чтобы потом попасть в ряды того или другого гвардейского полка и получить дух, физиономию части и впитать ее традиции. Многие из солдат запасных батальонов не были даже приведены к присяге. Вот почему этот молодой контингент так называемых гвардейских солдат не мог быть стоек и, выйдя 24, 25 и 26 февраля на усмирение беспорядков, зашатался и затем начался бессмысленный и беспощадный солдатский бунт.

Вместе с тем, однако, получились известия, что некоторые роты, как например, Павловского, Волынского,

Кексгольмского запасных батальонов, держались в первые два дня стойко.

Удивлялись, что генерал Хабалов не воспользовался такими твердыми частями, как петроградские юнкерские училища, в которых в это время сосредоточивалось несколько тысяч юнкеров.

Мне передавал генерал Клембовский, что Родзянко прислал телеграмму государю, где он настойчиво просит образовать новое правительство из лиц, пользующихся доверием общества. Клембовский не знал и потому не мог мне сообщить, какой ответ послан на эту телеграмму. Обо всем этом я узнал до завтрака, к которому государь прибыл после обычного, но на этот раз короткого доклада генерал-адъютанта Алексеева в генерал-квартирмейстерской части. Государь сегодня заметно более сумрачен и очень малоразговорчив. Граф Фредерикс, Нилов и другие не скрывают своих опасений и боятся революционных переворотов.

К. Д. Нилов все повторял свою обычную фразу: «Все будем висеть на фонарях, у нас будет такая революция, какой еще нигде не было».

Генерал Воейков держится бодро, но, видимо, все-таки волнуется, хотя все же очень занят устройством своей новой квартиры.

После двух часов государь с дворцовым комендантом и другими лицами свиты ездил на прогулку по Оршанскому шоссе.

К вечеру мы узнали, что получена еще вторая телеграмма от Родзянко, в которой он вновь настойчиво просит государя удовлетворить ходатайство об ответственном министерстве, при этом председатель Государственной думы указывает, что ответственное министерство необходимо во имя спасения родины и династии.

Я лично этой телеграммы не видал, но слышал о ней от многих лиц. На эту телеграмму будто бы послан ответ через генерал-адъютанта Алексеева по прямому проводу в Петроград после совещания у государя, на котором присутствовали граф Фредерикс, генерал Алексеев и генерал Воейков. Ответ выражал согласие государя на образование ответственного министерства, причем его величество, оставая в своем непосредственном распоряжении министерства военное, морское, иностранных дел и императорского двора, поручал формирование кабинета князю Львову. Безусловно, все, и свита и чины штаба, выражали радость по поводу ответа и надеялись, что это согласие царя на образование ответственного министерства внесет

успокоение. Однако все эти сведения появлялись отрывочно, и никто не знал, насколько были верны эти слухи¹. Около 6 часов вечера я вместе с проф. С. П. Федоровым отправился на станцию в вагон генерал-адъютанта Н. И. Иванова, который нас ожидал. В этом вагоне генерал Иванов жил все время войны, начиная с 1914 года, когда он из Киева выступил на войну главнокомандующим Южного фронта. Все победоносные операции в Галиции, блестящего периода начала великой войны, обсуждались в этом вагоне, небольшом, но уютном. В салоне стояло несколько столов, висели картины.

Я лично давно знал Н. И. Иванова, с тех еще пор, когда он был полковником и служил в главном артиллерийском управлении, затем встречал его на Японской войне, бывал у него в Киеве, а с 1914 года постоянно видел его, сначала на Южном фронте, а со времени назначения генерал-адъютанта Иванова состоять при особе его величества мы находились вместе в Ставке.

Николай Иудович был чисто русский человек незначительного происхождения, пробивший себе дорогу упорным трудом. Неглупый, осторожный, настойчивый, глубоко религиозный и честный, генерал Иванов и по внешнему своему виду являлся типичным великороссом, с большой, теперь уже поседевшей, бородой и характерной русской речью. Мы сели. Николай Иудович стал угощать нас чаем. «Что-то будет от такой разрухи! Чем все это кончится?» — сказал он.

«Вам необходимо прийти на помощь государю. Он совершенно один и измучен. Вам надо отправиться в Петроград, принять командование всеми войсками и водворить порядок», — ответили мы Иванову.

«Поздно теперь, части зашатались и верных мало осталось мне. Конечно, самому ничего не надо. Жизнь к концу. Я рад и счастлив помочь его величеству, но как это сделать. Необходимо иметь хоть небольшую, но твердую часть, чтобы до Царского к императрице доехать и охранить семью, а там уже действовать как Бог укажет», — рассуждал Иванов.

«Вы сегодня за обедом переговорите с государем, скажите ему свои соображения и доложите, что готовы принять на себя поручение его величества проехать в Петро-

¹ Дубенский впадает в этом случае в ошибку. В то время как порядком перетрухнувшие советчики царя склонялись к мысли об ответственном министерстве, Николай II с удивительным упрямством настаивал на политике репрессий и «подавления». — *Ред.*

град для водворения порядка. Государь так волнуется событиями и за императрицу и детей. Он, наверное, будет благодарен, что вы возьмете на себя умиротворение столицы и станете во главе этого тяжелого и серьезного дела. Бог поможет вам. Вас знает вся Россия».

Мы оставались у Иванова больше часа, обсуждая то трудное и опасное дело, которое он соглашался взять на себя. Должен отметить, что старый генерал-адъютант не поколебался ни одной минуты пойти на помощь царю и России в эти роковые дни. Он обсуждал только вопрос, как лучше сделать это, и ни разу даже не намекнул, что он не может и не хочет этого делать. Больше всего смущало старика то, что «поздно хватились, надо бы раньше направиться туда, в Питер», и часто повторял: «Боюсь, поздно». «Мы вам устроим сегодня за обедом место рядом с государем,— сказал С. П. Федоров,— я скажу гофмаршалу князю Долгорукову об этом».

Мы распрощались и поехали во дворец. По пути на Днепровском проспекте, у ярко освещенного изнутри дома мы заметили автомобиль дворцового коменданта, и Сергей Петрович сказал мне: «Смотрите, это Воейков все хлопочет и устраивает квартиру для своей жены. Он ждет ее на днях».

Я крайне удивился, услышав эти слова, и не мог себе представить, что в такие минуты, когда все страшилось за судьбу всего нашего строя и царской семьи, такой близкий ко двору человек мог быть так спокоен. Верно, он не сомневался, что все обойдется благополучно, иначе не стал бы он заниматься такими пустяками. Ведь ему более чем кому-либо известно положение дел.

Этот последний обед, 27 февраля, у его величества в Ставке до отречения государя я ясно помню. Он врезался в память. Приглашены были генерал Кондзеровский и какой-то полковой командир, прибывший с фронта. Затем за столом находились только те, кто постоянно обедал с государем, то есть вся свита и иностранные военные представители. Тяжелое настроение господствовало у всех. Молча ожидали мы выхода государя из кабинета. Его величество в защитной рубаше появился за несколько минут до 8 часов. Он был бледен. Государь обошел всех молча и только приглашенному командиру полка сказал несколько слов.

За столом рядом с государем сел генерал-адъютант Иванов, и они весь обед тихо разговаривали между собой. Когда вышли из-за стола и направились в зал, государь подошел к дежурному генералу Кондзеровскому и сказал: «Я вас прошу сделать, непременно сделать распоряжение

относительно того лица, о котором я говорил вам. Это поручение моей матушки, и я хочу непременно его срочно исполнить».

Генерал Кондзеровский сказал: «Слушаю, ваше величество, я немедленно отдам приказание».

Государь сделал общий поклон и ушел в кабинет.

Все стали расходиться. Ко мне подошел генерал-адъютант Иванов и сообщил, что наше общее желание удовлетворено: государь повелел ему отправиться с Георгиевским батальоном сегодня в ночь в Царское и затем в Петроград для водворения порядка. Николай Иудович добавил: «Его величество приказал побывать у него еще раз для дополнительных директив. «Ведь вы уезжаете сегодня ночью в Царское, где будете 1 марта»,— говорил мне государь. Дается ответственное министерство, послана об этом телеграмма в Петроград. Государь надеется, что это внесет успокоение и восстание можно будет потушить. А я все-таки опасуюсь — не поздно ли. Да и сам государь, как вы видели, сумрачен и очень тревожится. Я с георгиевцами поеду прямо через Дно на Царское и Петроград, а императорские поезда пойдут через Смоленск — Лихославль — Тосно на Царское».

Мы простились с Николаем Иудовичем, я пожелал ему успехов и сказал: «Бог даст, скоро встретимся в Петрограде».

«Дай Бог»,— ответил генерал Иванов и, наклонив голову, торопливо пошел в кабинет государя. Часов в 11 вечера, когда я сидел у себя в комнате, ко мне вошел барон Штакельберг и взволнованным голосом сказал:

«Скорей собирайтесь. Мы сейчас уезжаем. Государь едет в Царское. Происходят такие события, что нельзя сказать, чем все это кончится. Правда, ответственное министерство, на которое согласился его величество, может поправить дело. На него только надежда, но все-таки очень тяжело».

Через полчаса мы уже переезжали в автомобилях в свой свитский поезд.

Вместе со мною в этом поезде ехали: командир собственного его величества железнодорожного полка генерал-майор Цабель, церемониймейстер барон Штакельберг, комендант поезда подполковник Таль, начальник дворцовой охраны полковник Невдахов, затем офицеры конвоя, сводного полка, собственного жел.-дорожн. полка, чины канцелярии министерства двора. Наш поезд должен был уйти раньше «собственного его величества» на час.

Весь этот вечер и почти всю ночь мы все не расходи-

лись и беседовали о нашем срочном отъезде, и хотя выражали надежду, что преуказанный парламентский строй внесет успокоение в общество, но отошли мы из Могилева, после 2 часов ночи 28 февраля, с большой тревогой.

Вторник, 28 февраля

Переезд Могилев — Орша — Смоленск — Лихославль —
Бологое — Малая Вишера

Вчера 27 февраля, в понедельник, после обеда государь ушел к себе в кабинет и там беседовал сначала с генерал-адъютантом Ивановым и указал ему еще раз прийти к нему в вагон по переезде его в поезд, затем с генерал-адъютантом Алексеевым, потом с графом Фредериксом и генералом Воейковым. С генералом Алексеевым его величество говорил о том, что теперь, когда будет создаваться ответственное министерство, ему придется задержаться в Царском, так как новые условия организации правительства потребуют его пребывания в столице. Государь расстался с своим начальником штаба в полной уверенности, что генерал-адъютант Алексеев поведет дело так, как оно определено его величеством.

«Теперь есть телефон между Ставкой и Царским и вы, Михаил Васильевич, будете меня держать в курсе всех дел и событий», — сказал государь, расставаясь с генералом Алексеевым. «Дай Бог только наладить спокойствие в Петрограде Николаю Иудовичу», — добавил его величество. После 12 часов ночи с понедельника на вторник государь переехал в поезд, и к его величеству тотчас прибыл генерал-адъютант Иванов и остался на аудиенции почти 2 часа. Государь, как мне передал потом Николай Иудович, по душе, сердечно и глубоко искренне говорил с ним. Измученный, боящийся за участь России и свою семью, взволнованный озлобленными требованиями бунтующей Государственной думы, царь сказал генералу Иванову свои грустные и тяжелые соображения.

«Я берег не самодержавную власть, а Россию. Я не убежден, что перемена формы правления даст спокойствие и счастье народу». Так выразился государь о своей сокровенной мысли, почему он упорно отказывался дать парламентский строй. Затем государь указал, что теперь он считает необходимым согласиться на это требование Думы, так как волнения дошли до бунта и противодействовать он не в силах. Государь говорил о той упорной агитации, которая давно ведется против императрицы и его самого, и скорбел о том, что их лучшим стремлениям никогда не ве-

рили, и злобные слухи доходили до того, что высказывались подозрения о возможности сношений между ними и врагом России императором Вильгельмом.

Слова царя трогали генерала Иванова, по его рассказу, настолько, что ему трудно было иногда отвечать от спазм в горле. Государь, расставаясь с Николаем Иудовичем, поцеловался с ним, перекрестил его и в свою очередь Иванов перекрестил царя.

Его величество лег в эту ночь поздно, после трех часов, и встал на следующий день позже обычного времени, около 10 часов утра. Днем, во вторник, мы проехали Смоленск, Вязьму. Всюду было полное спокойствие. Стоял яркий, солнечный, немного морозный день. Царские поезда шли обычным порядком. Нас сопровождали, каждый по своему участку, путевые инженеры. Вот от одного из таких инженеров в нашем свитском поезде, который шел, как я сказал, впереди императорского поезда, мы узнали через нашего инженера Эртеля, после 4 часов дня, что образовано какое-то новое «временное правительство», а старая власть свергнута. Об этом оповещал телеграммой по железной дороге член Думы Бубликов, назначенный комиссаром путей сообщения. Он просил всех служащих на железной дороге «во имя добытой свободы» оставаться на своих местах и исполнять неуклонно свою работу. Кроме того, получена на одной из станций телеграмма от какого-то коменданта ст. Петроград сотника Грекова о направлении литерных поездов А и Б (то есть свитского и царского) непосредственно в Петроград, а не в Царское Село через Тосно.

Эти неожиданные сведения нас всех крайне взволновали. Стало понятно, что в Петрограде уже совершился революционный переворот и образованное «временное правительство» свободно распоряжаться императорскими поездами, решаясь направить их по своему усмотрению. После получения этого тревожного известия мы, следовавшие в свитском поезде: генерал Цабель, барон Штакельберг, полковник Невдахов, подполковник Таль, чиновник канцелярии министра двора А. В. Суслов и я, стали обсуждать вопрос, как же реагировать на него. Постановили, чтобы я написал обо всем, что нами узнано, письмо профессору С. П. Федорову, едущему в поезде государя, с которым я был близок, с просьбой сообщить дворцовому коменданту для доклада его величеству. Письмо мною было сейчас же написано, помню карандашом, причем помимо фактов было высказано соображение, что в этих обстоятельствах ехать далее не следует и лучше через Бологое на-

правиться в Псков, где находится штаб Северного фронта, там генерал-адъютант Рузский, есть близко войска и сам по себе Псков старый, тихий, небольшой губернский город, где его величество спокойно может пробыть и определить создавшиеся обстоятельства и выяснить обстановку. Письмо было передано одному из офицеров, который сошел с нашего поезда на ближайшей станции и дождался поезда собственного его величества и передал письмо лейб-хирургу С. П. Федорову. Часам к 12 ночи наш свитский поезд подошел к Бологому, где мы получили от генерала Воейкова ответную на мое письмо телеграмму такого примерно содержания: «Во что бы то ни стало пробраться в Царское Село». Всех удивил этот ответ, некоторые из нас даже настаивали, чтобы задержаться в Бологом до подхода собственного поезда и еще раз переговорить с дворцовым комендантом, но, в конце концов, решили ехать дальше. Тронулись в путь и около часа ночи на 1 марта прибыли на станцию Малая Вишера. Весь наш поезд не спал, мы все время обсуждали наше трудное положение и сознавали, что следовать далее не только крайне рискованно, но просто невозможно, не подвергая жизнь его величества опасности.

На самой станции Малая Вишера в наш поезд вошел офицер (не помню его фамилии) собственного его величества железнодорожного полка и доложил командиру генералу Цабелю, что станция Любань, а равно и Тосно заняты уже революционными войсками, там находятся, кажется, роты л.-гв. Литовского полка с пулеметами, что люди этой роты в Любани уже сняли с постов людей железнодорожного полка и что он едва мог уехать на дрезине сюда, чтобы доложить о том, что случилось.

Вслед за такими, уже определенно грозными, сообщениями было сделано немедленно распоряжение по станции Малая Вишера занять телефоны, телеграф и дежурную комнату; выставлены наши посты, указано железнодорожным жандармам охранять станцию от всяких случайностей, и она стала изолированной от сношений с кем бы то ни было без нашего ведома. Решено было даже не двигаться и ожидать здесь подхода «собственного» поезда для доклада полученных известий его величеству.

На станции почти нет народу. Она ярко освещена. Начальник станции, небольшой старичок, очень исполнительный и расположенный сделать все, что необходимо, перевел наш поезд на запасной путь, и мы стали ждать подхода «собственного» поезда.

Ночь ясная, тихая, морозная. Всяду царствовала пол-

ная тишина. На платформе, на путях виднелись наши посты солдат железнодорожного полка. Генерал Цабель, барон Штакельберг и я находились на платформе, поджидая прибытия царского поезда. Около 2 часов ночи он тихо подошел. Из вагонов вышел только один генерал Нарышкин. Мы спросили Кирилла Анатольевича, где же дворцовый комендант и остальная свита.

«Все спят в поезде»,— ответил он. Признаться, мы крайне поразились этому известию.

«Как спят? Вы знаете, что Любань и Тосно заняты революционными войсками? Ведь мы сообщили, что наш поезд приказано отправить не в Царское, а прямо в Петроград, где уже есть какое-то «временное правительство»... К. А. Нарышкин, неразговорчивый всегда, и на этот раз молчал. Мы вошли в вагон, где было купе дворцового коменданта, и постучались к нему. Владимир Николаевич крепко спал. Наконец, он пробудился, оделся, к нему вошел генерал Цабель и доложил, как непосредственно подчиненный, о всех событиях и занятии Любани и Тосно.

Через несколько минут генерал Воейков вышел в коридор с всклокоченными волосами и начал с нами обсуждать, что делать. Некоторые из нас советовали ехать назад в Ставку, другие указывали на путь на Псков, о чем уже я писал днем. Генерал Воейков, помнится, сам не высказывался определенно ни за то, ни за другое предложение. Затем он прошел в вагон его величества и доложил государю все, что ему донесли. Дворцовый комендант очень скоро вернулся от государя, который недолго обсуждал создавшееся положение и повелел поездам следовать назад на Бологое, а оттуда на Псков, где находится генерал-адъютант Рузский.

Государь вообще отнесся к задержкам в пути и к этим грозным явлениям необычайно спокойно. Он, мне кажется, предполагал, что это случайный эпизод, который не будет иметь последствий и не помешает ему доехать, с некоторым только опозданием, до Царского Села.

Я прошел в купе к С. П. Федорову, который не спал, да и все уже проснулись в царском поезде. Меня интересовало, почему такое спокойствие царило в их вагонах после того, как мы им передали безусловно тревожные сведения. «Да, Владимир Николаевич не придал им особого значения и думал, что поезда все-таки могут дойти до Царского, несмотря на приказание направить их на Петроград. Письмо он ваше прочитал, но, вероятно, не доложил его государю»,— ответил мне Сергей Петрович.

«Так что вы думаете, что его величество не вполне знает, что случилось?» — спросил я.

«Да, я полагаю. Он не вполне в курсе событий. Государь сегодня был довольно спокоен и надеялся, что раз он дает ответственное министерство и послал генерала Иванова в Петроград, то опасность устраняется и можно ждать успокоения. Впрочем, он мало сегодня с нами говорил», — сказал Сергей Петрович.

Пока переводили наши поезда на обратный путь, причем дабы охранить царский поезд от каких-либо, может быть, преследований, наш поезд поставили позади, — мы успели прочитать сообщения какого-то листка о намеченном составе «временного правительства».

Весь состав этого первого министерства «временного правительства» почти исключительно кадетский, только Керенский стоит левее остальных, принадлежа к партии, кажется, социал-демократов; министр военный и морской Гучков считался в октябристах, но по своей общественной деятельности и активной борьбе с правительством, и не только с ним, но даже с государем, он являлся самым ярким проводником новых начал и перемены власти. Назначенный в начале августа 1915 года председателем промышленного комитета, Гучков много вложил злой энергии в расшатывание основ власти и совместно с бывшим тогда военным министром генералом А. А. Поливановым, его другом, сеял недоверие к деятельности Ставки и опять-таки к самому государю. Наша пресса, настроенная уже давно враждебно к прежнему правительству, встретила состав «временного правительства», судя по первым попавшим газетам и листкам, сочувственно и высказывала уверенность, что Россия приобретает огромные преимущества, заменив «негодную царскую самодержавную власть». Сулились победы, подъем деятельности в стране, после «перемены шоффера», как уже выражались тогда поклонники переворота, и устранения от власти «Николая». Так все это мы и прочитали уже 1 марта в Малой Вишере.

Помню, мы начали обсуждать состав министерства, и некоторые из нас находили его соответствующим настоящему моменту. На мое замечание, что вряд ли социалист Керенский может быть полезен в составе министерства, мне ответили: «Кто знает, он может успокоить рабочих, левое крыло Думы и несколько утихомирить революционные проявления, если, конечно, пожелает начать работать, а не продолжать революцию»...

Уже поздно ночью, должно быть, в четвертом часу, наш свитский поезд отошел вслед за «собственным». Мы

ехали в Псков к генерал-адъютанту Рузскому, надеясь, что главнокомандующий Северным фронтом поможет царю в эти тревожные часы, когда зашаталась власть, устранить революционные крайности и даст возможность его величеству провести в жизнь народа спешные преобразования правления России, по возможности более тихо, по намеченной уже программе, о чем сообщено было днем 27 февраля из Ставки в Петроград. В пути на Псков мы готовили манифест, в котором государь призывал народ к спокойствию, указывая на необходимость единодушно с ним — царем — продолжать войну с немцами. Казалось, старый, считавшийся умным, спокойным Рузский сумеет поддержать государя в это страшное время. Верил в это и сам государь, почему и выбрал путь на Псков, а не в другое место.

Среда, 1 марта

Переезд Малая Вишера — Бологое — Валдай — Старая Русса —
Дно — Порхов — Псков

Днем мы подходили к Старой Руссе. Огромная толпа заполняла всю станцию. Около часовни, которая имеется на платформе, сгруппировались монахи местного монастыря. Все смотрели с большим вниманием на наш поезд, снимали шапки, кланялись. Настроение глубоко сочувственное к царю, поезд которого только что прошел Руссу, и я сам слышал, как монахи говорили: «Слава Богу, удалось хотя в окошко увидеть батюшку-царя, а то ведь некоторые никогда не видали его».

Всюду господствовал полный порядок и оживление. Местной полиции, кроме двух-трех урядников, станционных жандармов, исправника, никого и не было на станции. Я не знаю, было ли уже известно всему народу о создании «временного правительства», но железнодорожная администрация из телеграммы Бубликова должна была знать о переменах и распоряжениях Государственной думы, тем не менее все было по прежнему и внимание к поезду особого назначения полное.

Невольно думалось об этой разнице в отношении к царю среди простого народа в глубине провинции, здесь, в Старой Руссе, и теми революционными массами Петрограда с солдатскими бунтами, благодаря которым государь принужден вернуться с своего пути на Царское Село.

День стоял ясный, уже чуть-чуть чувствовалась весна. Наши поезда шли спокойно, без малейших затруднений. Единственное изменение в нашем движении было то, что

мы шли тише, так как не был известен путь и надо было уменьшить скорость. Кроме того, на паровозе находились офицер железнодорожного полка с двумя солдатами.

Как я сказал выше, свитский поезд шел сюда «собственного», но на станции Дно, которую прошли совершенно спокойно, мы обогнали царский поезд, дабы к Пскову подойти раньше.

Когда мы проходили на станции Дно мимо «собственного» поезда и некоторые из нас стояли на площадке вагона, то дворцовый комендант вышел из своего вагона, стал на подножку, приветливо помахал нам рукой и улыбаясь громко крикнул в мою сторону: «Надеюсь, вы довольны, мы едем в Псков». Вид у Владимира Николаевича был очень бодрый, веселый.

«Мне кажется, что «Дворком» уверен в благополучном исходе всех наших приключений и событий, иначе у него не было бы такого довольного вида», — сказал кто-то из нас, когда мы миновали царские вагоны, Первое марта, проклятый и позорный день для России, уже кончался, когда мы после 7 часов вечера стали подходить к древнему Пскову. Станция темноватая, народу немного, на платформе находились псковский губернатор, несколько чинов местной администрации, пограничной стражи генерал-лейтенант Ушаков и еще небольшая группа лиц служебного персонала. Никаких официальных встреч, вероятно, не будет и почетного караула не видно. Поджидая подход императорского поезда, многие из нас говорили с теми людьми, которые прибыли на вокзал для встречи государя, но ничего нового мы не узнали здесь о событиях в Петрограде, да и все были очень сдержанны в своих речах. Губернатор сообщил только, что Псков пока равнодушно отнесся к событиям и в городе тихо. «Впрочем, мы на театре военных действий и у нас трудно было ожидать волнений», — добавил начальник губернии.

На вокзале народа мало, так как из Петрограда после революционных дней конца февраля поезда не приходили и пассажирское движение еще не установилось.

Около 8 часов вечера прибыл «собственный» поезд. Я и барон Штакельберг прошли в вагон лиц свиты. Мы застали всех в коридоре: тут были граф Фредерикс, К. Д. Нилов, князь Долгорукий, граф Граббе, С. П. Федоров, герцог Лейхтенбергский. Уже знали, что почетного караула не будет и его величество на платформу не выйдет. Спросили нас, что слышно о городе, спокойно ли там.

Государь на очень короткое время принял губернатора. Все ждали прибытия главнокомандующего Северным

фронтом генерал-адъютанта Николая Владимировича Рузского. Через несколько минут он появился на платформе в сопровождении начальника штаба фронта генерала Юрия Никифоровича Данилова (бывший генерал-квартирмейстер при великом князе Николае Николаевиче) и своего адъютанта графа Шереметьева. Рузский шел согбенный, седой, старый, в резиновых галошах; он был в форме Генерального штаба. Лицо у него бледное, болезненное и глаза из-под очков смотрели неприветливо. Небольшой, с сильной проседью брюнет генерал Данилов, известный в армии и штабах под именем «черный», следовал за главнокомандующим. Они вошли в вагон свиты, где все собрались, и Рузский прошел в одно из отделений, кажется, князя Долгорукого, поздоровался со всеми нами и сел в угол дивана около двери. Мы все обступили его. Волнение среди нас царило большое. Все хотели говорить. Рузский, отвалившись в угол дивана, смотрел как-то саркастически на всех. Граф Фредерикс, когда немного успокоились и восклицания вроде того, что «ваше высокопревосходительство должны помочь, к вам направился его величество, когда узнал о событиях в Петрограде», прекратились, обратился к Рузскому примерно со следующими словами: «Николай Владимирович, вы знаете, что его величество дает ответственное министерство. Государь едет в Царское. Там находится императрица и вся семья, наследник болен корью, а в столице восстание. Когда стало известно, что уже проехать прямо в Царское нельзя, его величество в Малой Вишере приказал следовать в Псков к вам, и вы должны помочь государю наладить дела».

«Теперь уже поздно, — сказал Рузский. — Я много раз говорил, что необходимо идти в согласии с Государственной думой и давать те реформы, которые требует страна. Меня не слушали. Голос хлыста Распутина имел большее значение. Им управлялась Россия. Потом появился Протопопов и сформировано ничтожное министерство князя Голицына. Все говорят о сепаратном мире»... — и т. д. и т. д. с яростью и злобой говорил генерал-адъютант Рузский.

Ему начали возражать, указывали, что он сгущает краски и многое в его словах неверно. Граф Фредерикс вновь заговорил: «Я никогда не был сторонником Распутина, я его не знал, и, кроме того, вы ошибаетесь, он вовсе не имел такого влияния на все дела...»

«О вас, граф, никто не говорит. Вы в стороне стоите», — ответил Рузский, и в этих словах чувствовалось указание, что ты, дескать, стар и не в счет.

«Но, однако, что же делать? Вы видите, что мы стоим

над пропастью. На вас только и надежда», — спросили разом несколько человек Рузского.

Век не забуду ответа генерал-адъютанта Рузского на этот крик души всех нас, не меньше его любивших Россию и беззаветно преданных государю императору.

«Теперь надо сдаться на милость победителя», — сказал он.

Опять начались возражения, негодования, споры, требования, наконец, просто просьбы помочь царю в эти минуты и не губить отечества. Говорили все. Генерал Воейков предложил переговорить лично по прямому проводу с Родзянко, на что Рузский ответил: «Он не подойдет к аппарату, когда узнает, что вы хотите с ним беседовать». Дворцовый комендант сконфузился, замолчал и отошел в сторону. «Я сам буду говорить с Михаилом Владимировичем (Родзянко)», — сказал Рузский.

Я стал убеждать своего бывшего сослуживца по мобилизационному отделу Генерального штаба генерала Данилова повлиять на Рузского.

«Я ничего не могу сделать, меня не послушают. Дело зашло слишком далеко», — ответил Юрий Никифорович.

В это время флигель-адъютант полковник Мордвинов пришел и доложил генерал-адъютанту Рузскому, что его величество его может принять. Главнокомандующий и его начальник штаба поднялись и направились к выходу. «Вы после аудиенции у его величества вернитесь к нам сюда и сообщите о своей беседе с государем», — говорили ему все.

«Хорошо, я найду», — нехотя ответил Рузский.

После разговора с Рузским мы стояли потрясенные и как в воду опущенные. Последняя наша надежда, что ближайший главнокомандующий Северным фронтом поддержит своего императора, по-видимому, не осуществится. С цинизмом и грубою определенностью сказанная Рузским фраза: «Надо сдаваться на милость победителя» — все уясняла и с несомненностью указывала, что не только Дума, Петроград, но и лица высшего командования на фронте действуют в полном согласии и решили произвести переворот. Мы только недоумевали, когда же это произошло.

Прошло менее двух суток, то есть 28 февраля и день 1 марта, как государь выехал из Ставки и там остался его генерал-адъютант начальник штаба Алексеев, и он знал, зачем едет царь в столицу, и оказывается, что все уже сейчас предрешено и другой генерал-адъютант Рузский признает «победителей» и советует сдаваться на их милость.

Чувство глубочайшего негодования, оскорбления испытывали все. Более быстрой, более сознательной предатель-

ской измены своему государю представить себе трудно. Думать, что его величество сможет поколебать убеждение Рузского и найти в нем опору для своего противодействия начавшемуся уже перевороту — едва ли можно было. Ведь государь очутился отрезанным от всех. Вблизи находились только войска Северного фронта под командой того же генерала Рузского, признающего «победителей».

Генерал-адъютант К. Д. Нилов был особенно возбужден, и когда я вошел к нему в купе, он задыхаясь говорил, что этого предателя Рузского надо арестовать и убить, что погибнет государь и вся Россия. К. Д. Нилов не надеялся на какой-либо благоприятный переворот в начавшемся ходе событий.

«Только самые решительные меры по отношению к Рузскому, может быть, улучшили бы нашу участь, но на решительные действия государь не пойдет», — сказал Нилов. К. Д. весь вечер не выходил из купе и сидел мрачный, не желая никого видеть.

Я пошел к нему. Нилов прерывающимся голосом стал говорить мне: «Царь не может согласиться на оставление трона. Это погубит всю Россию, всех нас, весь народ. Государь обязан противодействовать этой подлой измене Ставки и всех предателей генерал-адъютантов. Кучка людей не может этого делать. Есть верные люди, войска и не все предатели в России».

К. Д. стал убеждать меня пойти к государю и еще раз доложить, что оставление трона невозможно.

Мы долго ждали возвращения главнокомандующего Северным фронтом от государя, желая узнать, чем кончилась беседа их между собою. Однако свита не дождалась Рузского. Он в 12-м часу прямо прошел от его величества к себе для переговоров по прямому проводу с Петроградом и Ставкой.

При этом первом продолжительном свидании Рузского с государем сразу же определилось создавшееся положение. Рузский в настойчивой, даже резкой форме доказывал, что для спокойствия России, для удачного продолжения войны государь должен передать престол наследнику при регентстве брата своего великого князя Михаила Александровича. Ответственное министерство, которое обещал царь, теперь уже не удовлетворяет Государственную думу и образовавшееся «временное правительство», и уже требуют оставления трона его величеством. Главнокомандующий Северным фронтом сообщил о согласии всех остальных главнокомандующих с этим мнением Думы и «временного правительства». По этому вопросу через гене-

рала Алексеева достигнуто уже соглашение по прямому проводу между Ставкой Верховного и ставками главнокомандующих¹. Верховное командование всеми российскими силами необходимо передать прежнему Верховному, великому князю Николаю Николаевичу. Рузский опять повторил то, что сказал ранее всем нам, — «о сдаче на милость победителя» и недопустимости борьбы, которая, по его словам, была бесполезна, так как и высшее командование, стоящее во главе всех войск, против императора. Государь редко перебивал Рузского. Он слушал внимательно, видимо, сдерживая себя. Его величество указал, между прочим, что он обо всем переговорил перед своим отъездом из Ставки с генералом Алексеевым, послал Иванова в Петроград. «Когда же мог произойти весь этот переворот», — сказал государь. Рузский ответил, что это готовилось давно, но осуществилось после 27 февраля, то есть после отъезда государя из Ставки. Перед царем встала картина полного разрушения его власти и престижа, полная его обособленность, и у него пропала всякая уверенность в поддержке со стороны армии, если главы ее в несколько дней перешли на сторону врагов императора.

Зная государя и все особенности его сложного характера, его искреннюю непритворную любовь к родине, к семье своей, его полное понимание этого неблагоприятного к нему отношения, которое в данный момент охватило «прогрессивную» Россию, а главное, боясь, что все это бедственно отразится на продолжении войны, многие из нас предполагали, что его величество может согласиться на требование отречения от престола, о котором говорил Рузский. Государь не начнет борьбу, думали мы, боясь не за себя, а за судьбу своего отечества.

«Если я помеха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественных сил просят оставить трон и передать его сыну и брату своему, то я готов это сделать, готов даже не только царство, но и жизнь отдать за родину. Я думаю, в этом никто не сомневается из тех, кто меня знает», — говорил государь.

Государь в эту ночь, с 1 на 2 марта, долго не спал. Он ждал опять прихода генерала Рузского к себе, после его разговоров с Петроградом и Ставкой, но Рузский не при-

¹ Телеграмма генерала Алексеева главнокомандующим по вопросу об отречении послана была 2 марта в 10 час. 15 мин утра, а ответы главнокомандующих сообщены царю генералом Алексеевым того же числа в 14 час 30 мин. В ночь на 2 марта Рузский вел беседу с царем, добиваясь исключительно ответственного министерства. — *Ред.*

шел. Его величество говорил с графом Фредериксом, Воейковым и Федоровым о Царском, и его очень заботила мысль о Петрограде, семье, так как уже с 27 февраля, то есть два дня его величество ничего не знал и никаких сношений с Царским Селом не было.

Поздно ночью я вышел из вагона и прошел на вокзал. Там было пустынно, дежурили только железнодорожные служащие. Около царских поездов стояла наша охрана, солдаты железнодорожного полка спокойно и чинно отдавали честь. Полная тишина всюду и окончательное безлюдье. Я взял извозчика и проехал в город. Ночь была звездная, морозная и безветренная. Улицы старого города безлюдны, дома мало освещены, только около штабов было нескольколюднее и ярко светились окна и фонари. На какой-то колокольне пробило 2 часа, и я вернулся в поезд. Неужели же я нахожусь в древнем Пскове вместе с государем императором и присутствую при обсуждении вопроса об оставлении царем российского престола в дни величайшей войны с немцами после того, как этот царь, ставший предводителем русской армии, накануне перехода в наступление и вся страна и весь народ уверены, что мы разобьем врага.

И все это оказалось ни к чему. Его заставляют передать престол отроку сыну и слабому маловольному регенту — брату Михаилу. А у власти, явной власти, становятся случайные люди, и среди них личный враг царя Гучков, Родзянко и все эти лидеры «прогрессивного блока», мечтающие о министерских портфелях.

У нас в вагоне еще не спали и вели беседы о тех горьких минутах наших дней.

Псков. Четверг, 2 марта

В этот день государь встал ранее обычного, и уже в 8 часов утра его величество сидел за письменным столом у себя в отделении. «С 6 часов слышно было, как их величество поднялись и все перебирали записки и бумаги», — говорил мне камердинер государя.

Уже несколько дней все мы, и даже его величество, не знали, что, собственно, происходит в Царском Селе и самом Петрограде и насколько безопасна там жизнь наших семей и близких людей. Из слов Рузского о разгроме дома графа Фредерикса на Почтамтской улице видно было, что революционная толпа неистовствует в городе. С целью узнать что-либо о происходящем, я послал моего денщика в Петроград, передев его в форму хлебопеков псковской

команды. С ближайшим поездом он отправился в Царское Село и Петроград. Ему удалось доехать быстро по назначению и даже привезти нам всем ответы, но уже в Могилев, что значительно успокоило всех нас.

Привожу этот случай для показания, в какой обособленности были царские поезда в эти дни, и даже государь не мог пользоваться телеграфом и телефоном. В 9 часов должен был прибыть генерал Рузский и доложить его величеству о своих переговорах за ночь с Родзянкой и Алексеевым. Всю ночь прямой провод переносил известия из Пскова в столицу и Ставку и обратно.

В начале десятого часа утра генерал Рузский с адъютантом графом Шереметьевым прибыл на станцию и тихо прошел платформу, направляясь в вагон его величества. На вокзале начал собираться народ, но особенного скопления публики не было. Мы встретили нескольких гвардейских офицеров-егерей, измайловцев, которые нам передавали о столкновениях в дни революции у гостиницы «Астория», а главное, о том, что если бы было больше руководства войсками, то был бы другой исход событий, так как солдаты в первые дни настроены были против бунта. Говорили, что никаких пулеметов на крышах не было. Все эти офицеры выбрались из Петрограда и направлялись в свои части на фронт. Они спрашивали о государе, о его намерениях, о здоровье и искренно желали, чтобы его величество проехал к войскам гвардии. «Там совсем другое», — поясняли они. Чувство глубочайшей преданности к императору сквозило в каждом их слове.

Рузский пробыл у его величества около часа. Мы узнали, что в Псков должен приехать председатель Государственной думы М. В. Родзянко для свидания с государем.

Все с нетерпением стали ожидать этой встречи. Хотелось верить, что «авось» при личном свидании устранился вопрос об оставлении трона государем императором, хотя мало верилось этой чуточной мечте. Дело в том, что за ночь Рузский, Родзянко, Алексеев сговорились, и теперь решался не основной вопрос оставления трона, но детали этого предательского решения. Составлялся в Ставке манифест, который должен был быть опубликован.

Манифест этот выработывался в Ставке, и автором его являлся церемониймейстер высочайшего двора директор политической канцелярии при Верховном главнокомандующем Базили, а редактировал этот акт генерал-адъютант Алексеев. Когда мы вернулись через день в Могилев, то мне передавали, что Базили, придя в штабную столовую утром 2 марта, рассказывал, что он всю ночь не спал и ра-

ботал, составляя по поручению генерала Алексеева манифест об отречении от престола императора Николая II. А когда ему заметили¹, что это слишком серьезный исторический акт, чтобы его можно было составлять так наспех, то Базили ответил, что медлить было нельзя и советоваться было не с кем и что ему ночью приходилось несколько раз ходить из своей канцелярии к генералу Алексееву, который и установил окончательно текст манифеста и передал его в Псков генерал-адъютанту Рузскому для представления государю императору.

Весь день 2 марта прошел в тяжелых ожиданиях окончательного решения величайших событий.

Вся свита государя и все сопровождающие его величество переживали эти часы напряженно и в глубокой грусти и волнении. Мы обсуждали вопрос, как предотвратить назревающее событие.

Прежде всего мы мало верили, что великий князь Михаил Александрович примет престол. Некоторые говорили об этом сдержанно, только намеками, но генерал-адъютант Нилов определенно высказал: «Как можно этому верить. Ведь знал же этот предатель Алексеев, зачем едет государь в Царское Село. Знали же все деятели и пособники происходящего переворота, что это будет 1 марта, и все-таки, спустя только одни сутки, то есть за одно 28 февраля, уже спелись и сделали так, что его величеству приходится отречься от престола. Михаил Александрович — человек слабый и безвольный, и вряд ли он останется на престоле. Эта измена давно подготавливалась и в Ставке и в Петрограде. Думать теперь, что разными уступками можно помочь делу и спасти родину, по-моему, безумие. Давно идет явная борьба за свержение государя, огромная масонская партия захватила власть, и с ней можно только открыто бороться, а не входить в компромиссы».

Нилов говорил все это с убеждением, и я совершенно уверен, что К. Д. смело пошел бы лично на все решительные меры и, конечно, не постеснялся арестовать Рузского, если бы получил приказание его величества.

Кое-кто возражал Константину Дмитриевичу и выражал надежду, что Михаил Александрович останется, что может быть, уладится дело. Но никто не выражал сомнения в необходимости конституционного строя, на который согласился ныне государь.

Князь В. А. Долгорукий, как всегда, понуро ходил по

¹ Полковник Немченко передал мне это в Риме 7 мая (н. ст.) 1920 года.

вагону, наклонив голову, и постоянно повторял, слегка грассируя: «Главное, всякий из нас должен исполнить свой долг перед государем. Не нужно преследовать своих личных интересов, а беречь его интересы».

Граф Фредерикс узнал от генерала Рузского, что его дом сожгли, его жену, старую больную графиню, еле оттуда вытащили. Бедный старик был потрясен, но должен сказать, что свое глубокое горе он отодвинул на второй план. Все его мысли, все его чувства были около царя и тех событий, которые происходили теперь. Долгие часы граф ходил по коридору вагона, не имея сил от волнения сидеть. Он был тщательно одет, в старших орденах, с жалованными портретами трех императоров: Александра II, Александра III и Николая II. Он несколько раз говорил со мною. «Государь страшно страдает, но ведь это такой человек, который никогда не покажет на людях свое горе. Государю глубоко грустно, что его считают помехой счастья России, что его нашли нужным просить оставить трон. Ведь вы знаете, как он трудился за это время войны. Вы знаете, так как по службе обязаны были ежедневно записывать труды его величества, как плохо было на фронте осенью 1915 года и как твердо стоит наша армия сейчас накануне весеннего наступления. Вы знаете, что государь сказал, что «для России я не только трон, но жизнь, все готов отдать». И это он делает теперь. А его волнует мысль о семье, которая осталась в Царском одна, дети больны. Мне несколько раз говорил государь: «Я так боюсь за семью и императрицу. У меня надежда только на графа Бенкендорфа». Вы ведь знаете, как дружно живет наша царская семья. Государь беспокоится и о матери императрице Марии Федоровне, которая в Киеве».

Граф был весь поглощен событиями. Часто бывал у государя и принимал самое близкое участие во всех проявлениях этих страшных дней.

Надо сказать, что, несмотря на очень преклонный возраст графа Фредерикса, ему было 78 лет, он в дни серьезных событий вполне владел собой, и я искренне удивлялся его здравому суждению и особенно его всегда удивительному такту.

В. Н. Воейков в эти дни стремился быть бодрым, но, видимо, и его, как и других, волновали события. Никакой особой деятельности в пути Могилев — Вишера — Псков дворцовый комендант проявить не мог. В самом Пскове В. Н. Воейков тоже должен был остаться в стороне, так как его мало слушали, а Рузский относился к нему явно враждебно. У государя он едва ли имел в эти тревожные

часы значение, прежде всего потому, что его величество, по моему личному мнению, никогда не считал Воейкова за человека широкого государственного ума и не интересовался его указаниями и советами.

К. А. Нарышкин был задумчив, обычно молчал и как-то стоял в стороне, мало участвуя в наших переговорах. Очень волновались и тревожились предстоящим будущим для себя граф Граббе и герцог Лейхтенбергский, особенно первый.

Флигель-адъютант полковник Мордвинов, этот искренно религиозный человек, бывший адъютант великого князя Михаила Александровича, от которого он ушел и сделан был флигель-адъютантом после брака великого князя с Брасовой, очень серьезно и вдумчиво относился к переживаемым явлениям. О Михаиле Александровиче, которому он был предан и любил его, он старался не говорить и не высказывал никаких предположений о готовящейся для него роли регента наследника цесаревича.

В эти исторические дни много души и сердца проявил лейб-хирург профессор Сергей Петрович Федоров. Этот умный, талантливый и живой человек, он близок царскому дому, так как много лет лечит наследника, спас его от смерти, и государь и императрица ценили Сергея Петровича и как превосходного врача и отличного человека. В эти дни переворота Сергей Петрович принимал близко к сердцу события.

2 марта Сергей Петрович днем пошел к государю в вагон и говорил с ним, указывая на опасность оставления трона для России, говорил о наследнике и сказал, что Алексей Николаевич, хотя и может прожить долго, но все же по науке он неизлечим. Разговор этот очень знаменателен, так как после того, как государь узнал, что наследник неизлечим, его величество решил отказаться от престола не только за себя, но и за сына. По этому вопросу государь сказал следующее:

«Мне и императрица тоже говорила, что у них в семье та болезнь, которою страдает Алексей, считается неизлечимой. В Гессенском доме болезнь эта идет по мужской линии. Я не могу при таких обстоятельствах оставить одного больного сына и расстаться с ним».

«Да, ваше величество, Алексей Николаевич может прожить долго, но его болезнь неизлечима», — ответил Сергей Петрович.

Затем разговор перешел на вопросы общего положения России после того, как государь оставит царство. «Я буду благодарить Бога, если Россия без меня будет счастлива,—

сказал государь. «Я останусь около своего сына и вместе с императрицей займусь его воспитанием, устраняясь от всякой политической жизни, но мне очень тяжело оставлять родину, Россию», — продолжал его величество. «Да, — ответил Федоров, — но вашему величеству никогда не разрешат жить в России как бывшему императору». «Я это сознаю, но неужели могут думать, что я буду принимать когда-либо участие в какой-либо политической деятельности после того, как оставлю трон. Надеюсь, вы, Сергей Петрович, этому верите».

После этого разговора Сергей Петрович вышел от государя.

Вот в таких беседах, разговорах проходил у нас день 2 марта в Пскове.

Утром после одиннадцати часов, чтобы немного рассеяться, мы с С. П. Федоровым поехали в город и осмотрели древний собор. В Пскове по внешности шла обычная провинциальная жизнь. Лавки открыты, на базаре идет торговля, движение по улицам самое обычное. Солдат и офицеров встречается немного. Собор был заперт, и мы просили его открыть. Громадный, высокий, недавно реставрированный храм, освещенный яркими лучами солнца, величественен, красив и оставляет большое впечатление. Только холодно внутри, так как собор не отапливается, и зимой там служба не происходила. Потом проехали к белым Поганкиным палатам, типичным своей стариной. Чудные древние церкви попадались нам на пути.

К 12 часам мы вернулись в поезд и узнали, что Родзянко не может приехать на свидание к государю императору, а к вечеру в Псков придут член исполнительного комитета Думы В. В. Шульгин и военный и морской министр Временного правительства А. И. Гучков.

Государь все время оставался у себя в вагоне после продолжительного разговора с Рузским. Чувствовалось, что решение оставить престол назревало. Граф Фредерикс бывал часто у его величества и после завтрака, то есть часов около трех, вошел в вагон, где мы все находились, и упавшим голосом сказал по-французски: «Все кончено, государь отказался от престола и за себя и за наследника Алексея Николаевича в пользу брата своего Михаила Александровича и послал через Рузского об этом телеграмму». Когда мы услышали все это, то невольный ужас охватил нас и мы громко в один голос воскликнули, обращаясь к Воейкову: «Владимир Николаевич, ступайте сейчас, сию минуту к его величеству и просите его остановить, вернуть эту телеграмму».

Дворцовый комендант побежал в вагон государя. Через очень короткое время генерал Воейков вернулся и сказал генералу Нарышкину, чтобы он немедленно шел к генерал-адъютанту Рузскому и по повелению его величества потребовал телеграмму назад для возвращения государю. Нарышкин тотчас же вышел из вагона и направился к генералу Рузскому (его вагон стоял на соседнем пути) исполнять возложенное на него высочайшее повеление. Прошло около получаса, и К. Д. Нарышкин вернулся от Рузского, сказав, что Рузский телеграмму не возвратил, и сообщил, что лично даст по этому поводу объяснение государю.

Это был новый удар, новый решительный шаг со стороны Рузского для приведения в исполнение намеченных деяний по свержению императора Николая II с трона. Мы все печально разошлись по своим купе около 5 часов дня. Я стоял у окна в совершенно подавленном настроении. Трудно было поймать даже мысль в голове, так тяжело было на душе. Было то же самое, когда на ваших глазах скончается близкий, дорогой вам человек, на которого были все упования и надежды. Вдруг мимо нашего вагона по узкой деревянной платформе между путей я заметил идущего государя с дежурным флигель-адъютантом герцогом Лейхтенбергским. Его величество в форме кубанских пластунов в одной черкеске и башлыке не спеша шел, разговаривая с герцогом. Проходя мимо моего вагона, государь взглянул на меня и приветливо кивнул головою. Лицо у его величества было бледное, но спокойное. Я подумал, сколько надо силы воли, чтобы показываться на народе после величайшего события акта отречения от престола...

Уже в 1918 году в июне я был в Петрограде у графа Бенкендорфа и вспоминал о тех часах, которые пришлось пережить с государем в Пскове, и передал Павлу Константиновичу свое впечатление о редкой сдержанности государя после отречения. Граф задумался, потом сказал: «Весною в начале апреля 1917 года я как-то гулял с его величеством по Царскосельскому парку, и государь мне сказал, что только теперь, спустя 2—3 недели, он начинает приходить немного в себя, во время же событий в Могилеве, в пути, а главное, в Пскове он находился как бы в забытьи, тумане... Да, его величество очень страдал, но ведь он никогда не показывает своих волнений», — добавил граф. Около 8 часов вечера прибыл первый поезд из Петрограда после революционных дней. Он был переполнен. Толпа из вагонов бросилась в вокзал к буфету. Впереди всех бежал какой-то полковник. Я обратился к нему, спросил его о

Петрограде, волнениях, настроении города. Он ответил мне, что там теперь все хорошо, город успокаивается и народ доволен, так как фунт хлеба стоит 5 коп., масло 50 коп. Меня удивил этот ответ, определяющий суть революции, народных бунтов, только такой материальной стороной и чисто будничным интересом.

«Что же говорят о государе, о всей перемене?» — спросил я опять полковника.

«Да о государе ничего не говорят, надеются, вероятно, что «временное правительство» с новым царем Михаилом (ведь его хотят на царство) лучше справится».

Мы разошлись, и невольно приходится задумываться — неужели общество так уже подготовлено к перевороту, к замене государя, что это уясняется всеми так просто и без сомнений? Поезд ушел, на станции стало тихо, и мы продолжали ожидать экстренного прибытия из столицы депутатов Гучкова и Шульгина.

Часов около 10 вечера флигель-адъютант полковник Мордвинов, полковник герцог Лейхтенбергский и я вышли на платформу, к которой должен был прибыть депутатский поезд. Через несколько минут он подошел. Из ярко освещенного вагона-салона выскочили два солдата с красными бантами и винтовками и стали по бокам входной лестницы вагона. По-видимому, это были не солдаты, а, вероятно, рабочие в солдатской форме, так неумело они держали ружья, отдавая честь «депутатам», так не похожи были также на молодых солдат. Затем из вагона стали спускаться сначала Гучков, за ним Шульгин, оба в зимних пальто. Гучков обратился к нам с вопросом, как пройти к генералу Рузскому, но ему, кажется, полковник Мордвинов сказал, что им надлежит следовать прямо в вагон его величества.

Мы все двинулись к царскому поезду, который находился тут же, шагах в 15—20. Впереди шел, наклонив голову и косолапо ступая, Гучков, за ним, подняв голову вверх, в котиковой шапочке Шульгин. Они поднялись в вагон государя, разделись и прошли в салон. При этом свидании его величества с депутатами присутствовали министр императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс, генерал-адъютант Рузский, его начальник штаба генерал Данилов, кажется, начальник снабжения Северного фронта генерал Саввич, дворцовый комендант генерал Воейков и начальник военно-походной канцелярии генерал Нарышкин.

Приезд депутата А. И. Гучкова никого не удивил. Деятельность его давно была направлена против государя, и

он определенно являлся всегда упорным и злобным врагом императора. Будучи еще председателем Думы, затем с 1915 года председателем военно-промышленного комитета и находясь в постоянной связи со своим другом генералом Алексеем Андреевичем Поливановым, бывшим военным министром, Гучков много лет всюду, где мог, интриговал и был недоброжелателен к царю.

Другое дело В. В. Шульгин, много лет крайний правый член Государственной думы, друг В. М. Пуришкевича, издатель «Киевлянина», наследник Пихно. Как он мог решиться вместе с Гучковым приехать просить царя оставить престол? Шульгин бойкий, неглупый человек. Вероятно, честолюбивые мечты заставили его сделаться националистом, затем войти в прогрессивный блок, играя всюду видную роль. Он постепенно забывал свои «правые» убеждения, исповедовавшие, что православный царь на Руси от Бога. Государю очень тяжело было узнать, что Шульгин едет депутатом сюда, в Псков. Лично я знал Шульгина по его деятельности среди правых партий, мне нравились его речи в Думе, и потому трудно было мне поверить в приезд сюда Шульгина и в его деятельное участие в перевороте.

По виду Шульгин, да и Гучков казались смущенными и конфузливо держались в ожидании выхода государя. Через несколько минут появился его величество, поздоровался со всеми, пригласил сесть всех за стол у углового дивана. Государь спросил депутатов, как они доехали. Гучков ответил, что отбытие их из Петрограда, ввиду волнений среди рабочих, было затруднительно. Затем само заседание продолжалось недолго.

Его величество, как было упомянуто, еще днем решил оставить престол, и теперь государь желал лично подтвердить акт отречения депутатам и передать им манифест для обнародования. Никаких речей поэтому не приходилось произносить депутатам.

Его величество спокойно и твердо сказал, что он исполнил то, что ему подсказывает его совесть, и отказывается от престола за себя и за сына, с которым, ввиду болезненного состояния, расстаться не может.

Гучков доложил, что обратное возвращение депутатов сопряжено с риском, а посему он просил подписать манифест на всякий случай не в одном экземпляре. Государь на это согласился.

В это же время Верховным главнокомандующим всеми российскими силами был назначен государем великий князь Николай Николаевич — наместник Кавказа и глав-

нокомандующий Кавказской армией, о чем была послана телеграмма в Тифлис его величеством.

Затем государь ушел к себе в отделение, а все оставшиеся стали ждать изготовления копии манифеста. Вот, собственно, с формальной стороны и все, что произошло на свидании депутатов Думы Гучкова и Шульгина с его величеством 2 марта в Пскове¹.

Что сказать о настроении всех тех, которые были свидетелями этого глубоко трагичного события?

Среди близких государю, среди его свиты, в огромном большинстве все почти не владели собою. Я видел, как плакал граф Фредерикс, вернувшись от государя, видел слезы у князя Долгорукого, Федорова, Штакельберга, Мордвинова, да и все были мрачны.

Государь после 12 часов ночи ушел к себе в купе и оставался один. Генерал Рузский, Гучков, Шульгин и все остальные скоро покинули царский поезд, и мы не видали их больше.

После часа ночи депутатский поезд, то есть собственно один вагон с паровозом, отбыл в Петроград. Небольшая кучка народа смотрела на этот отъезд. Дело было сделано — императора Николая II уже не было. Он передал престол Михаилу Александровичу.

Пятница, 3 марта

Псков — Витебск — Орша — Могилев

Поздно ночью, в пятницу 3 марта, государь отбыл из Пскова в Могилев. Путь его величества лежал через Остров, Двинск, Витебск, Оршу в Могилев, в Ставку.

От ярко освещенной, но пустынной платформы пассажирского вокзала Пскова отошли собственный его величества и свитский поезда. Только небольшая группа железнодорожных служащих да несколько лиц в военной форме смотрели на отходящие поезда.

Переезд от Пскова до Могилева совершился спокойно, без малейших осложнений. На станциях почти не было публики, только в Витебске, который миновали днем, скопление пассажиров значительно, но никаких волнений, симпатии или антипатии к царскому поезду мы не заметили. Точно это был один из очередных поездов, точно

¹ Описание свидания Гучкова и Шульгина с государем 2 марта, сделанное Шульгиным вскоре после возвращения депутатов в Петроград, составлено довольно верно.

никто не знал, кто находится в этих больших, чудных синих вагонах с орлами.

А между тем по всем линиям, как я уже отметил ранее, разослана была телеграмма члена Думы Бубликова об образовании «временного правительства».

Днем 3 марта с пути его величество послал телеграмму Михаилу Александровичу уже как новому царю, в которой просил его простить, что принужден передать ему тяжелую ношу правления Россией, и желал брату своему успеха в этом трудном деле. Телеграмма простая, сердечная, и она так отражала государя и всю его духовную жизнь. Нет ни малейшей рисовки, ни малейшей позы, а высказан только душевный порыв человека.

Эта телеграмма, может быть, объясняет в значительной степени то сравнительно спокойное отношение к событиям, которое замечалось у государя последние два дня. Его величество надеялся, что брат его, который принимает царство, при том сочувствии со стороны деятелей переворота, успокоит страну, а назначенный государем Верховным главнокомандующим великий князь Николай Николаевич сбережет армию от революционного развала и война будет закончена победоносно. Государь, однако, понимал, что Михаил Александрович не опытен в государственных делах, но его величество знал, что брат предан России и любит родину и отдаст себя на служение ей.

В настроении его величества заметна перемена. Он по-прежнему хотя ровен, спокоен, но задумчив и сосредоточен. Видимо, он уходит в себя, молчит. Иногда с особой грустью смотрели его глаза, и в них, в этих особенных — чистых, правдивых и красивых глазах, особенно грустный вопрос: как все это совершилось и сможет ли брат справиться с государством и имел ли он, законный царь, право передать ему Россию.

Все эти дни с 1 марта государь был в кубанской пластунской форме, выходил на воздух, несмотря на свежую ветреную погоду, без пальто, в одной черкеске и башлыке. Он такой молодежавый, бодрый и так легко и скоро ходит. Когда я смотрел на него сегодня, мне припомнились те слова флигель-адъютанта А. А. Дрентельна: «Государь никогда не торопится и никогда не опаздывает». Так ли это теперь, когда все рушится.

К вечеру, когда уже стало темнеть, проехали Оршу — это преддверие Ставки. Шумная толпа, как всегда, наполнила грязную станцию в этом узловом пункте. Но на платформе около поезда было тихо, спокойно.

Около 9 часов государь прибыл в Могилев. Поезд тихо

подошел к «военной» длинной, пустынной, открытой платформе, к которой всегда прибывали царские поезда. Высокие электрические фонари ярко освещали небольшую группу лиц во главе с генералом Алексеевым, прибывших встретить его величество.

Небольшой, с седыми усами, солдатской наружности, невзрачный генерал Алексеев вытянулся, отдал честь. К нему подошел его величество, протянул ему руку, поздоровался, что-то спросил его и затем сел в автомобиль с графом Фредериксом и отправился к себе по пустынным, тихим улицам Могилева. Мы все последовали за его величеством и разместились в своих обычных помещениях.

Час спустя, уже около 11 часов вечера, я прошел в генерал-квартирмейстерскую часть к генералу Клембовскому. Я знаю Владислава Наполеоновича, так как мы одного выпуска из военного училища. Это умный, выдержанный, скрытный человек, хороший офицер Генерального штаба, боевой генерал и известный военный писатель. Нам помещали говорить, так как генерал Алексеев прислал за Клембовским. Я узнал только, что завтра в обычное время, после 9 часов утра, государь прибудет в штаб для выслушивания доклада начальника штаба генерала Алексеева в присутствии генерала Клембовского и генерал-квартирмейстера генерала Лукомского.

«Я не могу не выразить удивления, как после того что произошло, государь все-таки будет принимать обычный наш доклад», — сказал мне генерал Клембовский и пошел в кабинет генерала Алексеева.

Я спустился на первый этаж и здесь в одной из комнат встретил графа Граббе, который был очень оживлен. На мой вопрос, почему он здесь так поздно, граф Граббе ответил: «Я был у Алексеева и просил конвой его величества сделать конвоем Ставки. Он обещал».

Удивленный этими соображениями командира конвоя русского государя устроить этот конвой в Ставку уже без царя, я заметил Граббе, что зачем он так торопится с этим делом, ведь его величество еще в Ставке. «Да, но не нужно упускать времени», — ответил Граббе и быстро ушел из комнаты.

Этот случай был первый из подобных, когда люди так спешно стали менять идею службы, ее принципы...

В комнатах генерал-квартирмейстерской части все было по-прежнему. Дежурили полевые жандармы, сидели офицеры за столами, стучал телеграфный аппарат... На маленькой площади у дворца из старинной ратуши, в круглом садике стояли посты дворцовой полиции, а у подъезда

государя в дубленых постовых тулупах находились по-прежнему парные часовые Георгиевского батальона.

Могилев тих, малолюднен и спокоен, как всегда. В царских комнатах долго, долго светился огонь. Точно ничего не случилось, точно то, что я видел, что все мы пережили, был сон.

Суббота, 4 марта

В Ставке — Могилев

В субботу 4 марта, после утреннего чая в начале 10-го часа, государь прошел, своим обычным порядком, в генерал-квартирмейстерскую часть (дом рядом с дворцом) для принятия доклада генерала Алексеева о положении на фронтах.

Об этом последнем докладе его величеству мне сообщил генерал Клембовский, присутствовавший на нем вместе с генералом Лукомским по службе. Государь, как сказал, в начале 10-го часа пришел в генерал-квартирмейстерскую часть и занял свое обычное место за столом, где ежедневно происходили эти доклады. Спокойно, внимательно слушал государь Алексеева, который сначала волновался, спешил и только через несколько минут под влиянием вопросов его величеству, замечаний и указаний стал докладывать как всегда. «Вот так и состоялся этот исторический последний доклад императору Николаю II от его начальника штаба», — закончил генерал Клембовский.

После известия об отказе Михаила Александровича не только среди лиц, окружавших государя, но и среди всей Ставки не было уже почти никаких надежд на то, что Россия сможет вести войну и продолжать сколько-нибудь правильную государственную жизнь. Надежда, что «учредительное собрание» будет правильно созвано и утвердит царем Михаила Александровича, была очень слаба и в нее почти никто не верил. Прав был К. Д. Нилов, говоря, что Михаил Александрович не удержится и за сим наступит всеобщий развал.

Среди Ставки, которая в огромном своем большинстве была против переворота, начали ходить особенно мрачные слухи после того, как появилось известие об организации Совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде, требования которых направлены к развалу армии и к передаче власти в войсках солдатской массе. Уже сегодня генерал Алексеев полтора часа по прямому проводу говорил с военным министром Гучковым и убеждал его не допускать

опубликовывать приказ № 1, так как это внесет полную дезорганизацию в части войск и вести войну мы не будем в состоянии. Гучков, однако, отвечал, что надо уступить требованию представителей «освобожденной армии», и приказ был опубликован и разослан. По поводу приказа № 1 и солдатских комитетов генерал Клембовский говорил мне, что генерал Алексеев негодовал на Гучкова и со злобой сказал: «Единственно, что остается, это немедленно дать разрешение офицерам вне службы носить штатское платье. Только это и поможет им иногда избавляться от произвола и наглости революционных солдат».

Кажется, 4 марта вечером выезжали из Ставки граф Фредерикс и генерал Воейков. Я пошел с ними проститься. После прощания с графом Фредериксом я прошел в комнаты дворцового коменданта. Здесь было много народу, все подчиненные генерала Воейкова, сослуживцы, вся свита государя пришли проводить Владимира Николаевича. Он бодрился, все время распоряжался своим огромным, в необычайном порядке, багажом, отдавал приказания прислуге и отрывисто переговаривался со всеми нами. «Я надеюсь пробраться к себе в пензенское имение и, может быть, смогу там жить», — сказал он.

Скоро дворцовый комендант вместе с подполковником Талем, бывшим офицером л.-гв. гусарского его величества полка, которым командовал до войны генерал Воейков, отправился на вокзал. Они поместились в вагоне II класса незаметно, но, конечно, могли проехать недалеко и были задержаны на одной из ближайших к Могилеву станций и через Москву отправлены в Петроград, где генерала Воейкова и арестовали...

Вторник, 7 марта

В Ставке — Могилев

Солдатская масса Ставки, спокойная в первые часы революции и совершенно не ожидавшая нагрянувших событий, стала понемногу волноваться. Приехали агитаторы, появились газеты, радостно сообщавшие о «бескровных днях» переворота, наконец, ясный переход генерала Алексеева на сторону Временного правительства, все это сделало то, что и войска царской Ставки начали организовывать митинги, собрания, тем более что еврейский Могилев, конечно, стал идти полным ходом к «свободе».

Утром стало известно, что на базаре соберутся войска Ставки и будет какой-то митинг. Генерал Алексеев, желая

сдержать солдат, приказал, чтобы свои части сопровождали офицеры. На этом митинге должны были быть и роты собственного его величества железнодорожного полка. Я сидел в комнате моего соседа барона Штакельберга, и туда, смущенный и растерянный, пришел командир этого полка генерал Цабель. Ему не хотелось быть на этом солдатском митинге. Он не знал, как отнесутся к нему солдаты, до сих пор ведущие себя очень хорошо и вполне дисциплинированно. Полк этот был в блестящем до переворота состоянии в руках умного, толкового командира и с прекрасным составом офицеров. К тому же генерал Цабель не знал, надо ли быть в погонах с вензелями государя, или их надо снять, как этого хотел генерал Алексеев.

«Не знаю как и быть, — говорил Сергей Александрович Цабель, — пожалуй, уже все солдаты сняли вензеля и выйдет скандал, если придем с «Н» на погонах. Надо снять». И он стал снимать вензеля с пальто, но дело не ладилось, и генерал обратился к стоявшему здесь же старому преобразенцу, курьеру Михайлову: «Михайлов, помоги мне, сними с погон вензеля». — «Никак нет, не могу, увольте. Никогда это делать не согласен, не дай Бог и смотреть». И он, потупившись, отошел. Вышло очень неловко, и сцена эта произвела на всех крайне тягостное впечатление.

Генерал Цабель замолчал, нахмурился и стал сам ковырять что-то на погонах.

Среда, 8 марта

Отъезд государя императора из Ставки

Утром в среду 8 марта в Ставке было получено известие, что назначенный 2 марта государем императором Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич выехал из Тифлиса и прибудет в Могилев после 9 марта. Генерал Алексеев все важные вопросы откладывал до вступления в командование нового Верховного. В 3-м часу ночи военная платформа стала наполняться провожающими государя. Тут находились великие князья Сергей и Александр Михайловичи, Борис Владимирович и очень заметно выделялась огромная фигура старика, принца Александра Петровича Ольденбургского с красным обветренным лицом, в полушубке; он стоял, опираясь на палку. Весь высший командный состав Ставки был налицо: генералы Алексеев, Клембовский, Лукомский, Кондзеровский, адмирал Русин и другие генералы, офицеры и гражданские чины. Была и частная публика и простонародье, но так

как неизвестен был час отъезда государя, то сравнительно частной публики было немного — человек 150, не более.

Стояла ветреная, холодная погода. Поезд с депутатами все не приходил, и все собравшиеся разбрелись по путям, находились около государева поезда, в который вносили багаж и разные вещи, подходили к поезду императрицы Марии Федоровны, где пребывал его величество, и там протекали последние минуты свидания перед тяжелой, неопределенной и страшной их разлукой.

Генерал Алексеев все время распоряжался, говорил то с тем, то с другим и раза два входил в вагон императрицы к государю.

Как-то не ладилась разговоры. Все были молчаливы и коротко отвечали друг другу. Все понимали, что настал последний момент расставания, и у всех сжималось сердце о судьбе царя, о России и о себе самом.

Около 4 часов прибыл поезд с депутатами Государственной думы с Бубликовым во главе. Они появились как-то неожиданно у царского поезда и стали переговариваться с генералом Алексеевым. Это были люди определенной окраски и показались мне неприветливыми, враждебно настроенными, только Бубликов чуть-чуть был пообходительнее. Все эти депутаты принадлежали к левому крылу Государственной думы; я не помню их фамилий.

Сейчас по своем прибытии Бубликов передал распоряжение Временного правительства о запрещении адмиралу Нилову следовать с государем и приказание остаться в Ставке. «Что же, я арестован?» — спросил мрачно Нилов. «Нет, но вы должны остаться здесь», — ответил Бубликов. Нилов гневно отошел, и я, стоявший с ним рядом, искренно ожидал, что адмирал как-либо оскорбит депутата. После переговоров Бубликова с генералом Алексеевым оказалось, что государь должен считать себя арестованным и лишенным уже свободы. Это распоряжение произвело крайне тяжелое впечатление на всех и вызвало большое негодование и волнение среди свиты и некоторых других лиц Ставки.

«Как, почему, с какой стати, какие основания, неужели Алексеев решится передать это заявление его величеству?» — говорили многие. Оказалось, однако, что генерал Алексеев передал государю: «Ваше величество должны себя считать как бы арестованным». Я не был при этом разговоре, но слышал, что государь ничего не ответил, побледнел и отвернулся от Алексеева.

Государь был очень далек от мысли, что он, согла-

сившийся добровольно оставить престол, может быть арестован.

Прошло еще минут 10—15. Мы все напряженно стояли у вагонов при полной тишине. Еще раз прошел, почти пробежал, генерал Алексеев в вагон императрицы, пробыл там несколько минут и вышел оттуда. Вслед за ним отворилась вагонная дверь, и государь стал спускаться по ступенькам на рельсы. До государева поезда было шагов 20—30, и его величество сейчас же дошел до своего вагона. Тут к нему подошел адмирал Нилов и, схватив руку государя, несколько раз ее поцеловал. Его величество крепко обнял своего флаг-капитана и сказал: «Как жаль, Константин Дмитриевич, что вас не пускают в Царское со мною».

Затем государь поднялся в свой вагон и подошел к окну, стараясь его протереть, так как оно было запотелое. Наконец поезд тронулся. В окне вагона виднелось бледное лицо императора. Генерал Алексеев отдал честь его величеству.

Последний вагон царского поезда был с думскими депутатами; когда он проходил мимо генерала Алексева, тот тот снял шапку и низко поклонился. Помню, этот поклон депутатам, которые увозили царя «как бы арестованным», тяжело лег на сердце и окончательно пошатнул мое мнение об Алексееве.

Четверг и пятница, 9—10 марта

Сама Ставка после отъезда государя из Могилева во многом изменила свой вид, тон и настроение. Весь командный состав — в ожидании приезда великого князя Николая Николаевича. Революционное настроение от Петрограда расходится по всей России, докатывается до Ставки и добирается до фронта. Революционная агитация, новые деятели Временного правительства продуктивно работают в своих целях, и вся надежда разумных людей Ставки сосредоточена на новом Верховном главнокомандующем, который может еще своим именем, своей несомненной популярностью, авторитетом сдержать развал в войсках и тем предотвратить гибель родины. Однако уже начали опасаться, что Временное правительство великого князя Николая Николаевича, как Романова, не допустит стать Верховным главнокомандующим. Высказывалось мнение, что Временное правительство проведет назначение Верховным Алексева. В Ставке уже начали появляться все больше и больше лиц из Петрограда, приверженных новому военно-морскому министру Гучкову и его сторон-

никам. На станции в эти дни уже стоял вагон генерала Поливанова, охраняемый юнкерами. Бывший военный министр прибыл из Петрограда в Ставку, дабы дать указания о более спокойном и гладком проведении в жизнь армии новых оснований ее строя, связанных с приказом № 1 и с новосоздаваемыми солдатскими комитетами.

В штабе, в столовой можно было видеть иногда прибывших из Петрограда офицеров, украшенных красными бантами, которые, однако, они быстро снимали, так как никто в Ставке этой эмблемы революции не надевал в эти дни.

Адмирал Нилов жил рядом со мной, он переехал из дворца и поместился в нашем доме. Дом, где жил государь, заперли; там шел разбор вещей и отправка некоторого дворцового имущества в Петроград. Странно и смешно было смотреть и сознавать, как от нас отняли белье, посуду... В штабной столовой Нилов и я с трудом находили себе место. Перемена в отношениях к нам была значительная.

Начались уже собрания офицеров, и какой-то военный чиновник читал лекции об основах всеобщего голосования (четырёххвостке), необходимого для Учредительного собрания, а полковник Генерального штаба Плюшевский-Плющик, один из первых председателей комитета офицерско-солдатских депутатов, делал всякие пояснения по этому вопросу.

Не помню точно, но кажется, на второй день по отбытии государя в Царское Село, то есть, должно быть, 9 марта состоялось приведение к присяге Ставки Верховного главнокомандующего. Утром, часов около десяти, на площади Могилева перед старой ратушей и зданием присутственных мест, где находилось, как я упоминал, управление генерал-квартирмейстерской части, и близ дома, где жил государь, собрали войска, все офицерство и весь генералитет Ставки. Духовенство в зеленых военных ризах поместилось в центре шеренг солдат и групп офицеров. Поставлен аналой с св. крестом и Евангелием. Среди присягавших я заметил великих князей Бориса Владимировича, Александра Михайловича, генералов Алексеева, Кондзеровского, Борисова и многих других. Седой священник громко читал новосозданную присягу Временному правительству взамен нашей старой, составленной великим Петром, и вся площадь с солдатами, офицерами и даже великими князьями, поднявши правые руки, повторяли новые, во многом неясные слова присяги и затем целовали св. крест и Евангелие. Была оттепель. Шел мокрый снег. На-

строение у всех было равнодушное, безразличное. Присяга закончилась быстро, и ясно было, что соблюдали необходимую формальность, и спешно разошлись по местам. Мы с адмиралом Ниловым стояли несколько в стороне и наблюдали обряд присяги, не участвуя в ней. Помню, что вместе с нами находились несколько офицеров штаба, которые явились тоже, но только смотрели, как присягали войска.

А так недавно на той же площади служились молебны по случаю полковых праздников конвоя его величества и других частей в высочайшем присутствии, и государь обходил войска, поздравлял людей, и те радостно и восторженно смотрели на него и гордились, что их праздник посетил царь.

Перемена событий невероятно быстрая, но худо верилось, что не будет новых явлений более грозных и неожиданных и вряд ли новая присяга русской армии будет держаться так же верно, как Петровская клятва держалась более 200 лет.

Кажется, 10 марта поезд великого князя Николая Николаевича прибыл в Могилев. С ним прибыли великий князь Петр Николаевич с сыном Романом Петровичем, пасынок Николая Николаевича герцог Лейхтенбергский, князь В. Н. Орлов, генерал Крупенский и несколько адъютантов. Их рассказы полны интереса. Находившиеся в Харькове и тоже встречавшие Николая Николаевича генерал-адъютант хан Гуссейн-Нахичеванский и князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон убеждали великого князя не ехать в Ставку, находящуюся всецело под давлением Временного правительства, которое определенно стоит за устранение Николая Николаевича, как Романова, от командования и против предоставления ему власти. Великий князь глубоко задумался, долго сидел один, затем советовался с братом Петром Николаевичем, генералом Янушкевичем и другими лицами своей свиты и решил в конце концов не менять маршрута и следовать в Могилев. Кажется, на второй день великие князья Николай и Петр Николаевичи и князь Роман Петрович, его высочество принц Александр Петрович Ольденбургский и пасынок великого князя Николая Николаевича герцог Лейхтенбергский и вся свита их приняли присягу Временному правительству в вагоне поезда его высочества. Николай Николаевич очень нервно был настроен, и его руки, подписывая присяжный лист, тряслись. Приводил к присяге священник Ставки, и присутствовал при этом, вместо генерала

Алексеева, дежурный генерал-лейтенант П. К. Кондзеровский. Все это мне передавали очевидцы присяги.

Самое назначение великого князя Верховным главнокомандующим и затем отношение Николая Николаевича к последующим событиям после переворота, то есть после 2 марта мне выясняются с полной определенностью из следующих данных, сообщенных мне лицами, которые были не только свидетелями событий, но и знали все подробности от его высочества наместника Кавказа¹. Вот как произошло назначение Николая Николаевича Верховным и вот те причины, почему великий князь оставил армию.

После получения от его величества телеграммы о назначении Верховным главнокомандующим великий князь немедленно решил оставить Тифлис и направиться в Ставку, в Могилев. В это же время, то есть в первые дни марта, доставлена была депеша его высочеству от генерала Алексеева, в которой начальник штаба Верховного сообщает, что, учитывая создавшуюся обстановку, все главнокомандующие и он сам (генерал Алексеев) пришли к убеждению в необходимости для спасения России и победоносного окончания войны просить государя императора отречься от престола. Кроме того, ввиду изложенных соображений начальник штаба Верховного просит великого князя присоединить свой голос к остальным голосам главнокомандующих в обращении к его величеству и в свою очередь лично от себя телеграфировать об оставлении престола царем. Для великого князя телеграмма генерала Алексеева была совершенно неожиданна, так как на Кавказе симптомов крушения государственной власти не было. Грозность обстановки, побудившая, вероятно, генерала Алексеева телеграфировать великому князю, не дала возможности его высочеству успеть проверить сообщенные данные, ему пришлось принять на веру все эти известия. На основании всех этих заявлений и событий Николай Николаевич присоединил свой голос к голосам высших представителей армии и телеграфировал государю.

Николай Николаевич, отправив указанную телеграмму, уже 4 марта отдал приказ по войскам Кавказской армии, в котором он повелевает всем войсковым начальникам, от старшего до младшего, что после оповещения двух актов (об отречении государя императора Николая II и великого князя Михаила Александровича) они должны спокойно ждать изъявления воли народа и свято исполнять повеле-

¹ Переданы генералом бароном Сталем с разрешения великого князя Николая Николаевича в Риме в мае 1920 г.

ние закона и по чести оберегать родину от грозного врага и своими подвигами поддержать наших союзников в беспримерной борьбе.

В это время великий князь обменялся следующими телеграммами с главою правительства: 4 марта Николай Николаевич телеграфировал князю Львову о необходимости поддержки общего порядка в стране, что поддержит в свою очередь порядок в войсках. Через день его высочество получил от князя Львова ответ, что Временное правительство вполне уверено в настроении армии и что она даст победоносный конец войне. Вместе с сим князь Львов спрашивал, когда великий князь будет в Ставке. На эту телеграмму Николай Николаевич ответил, что будет в Ставке 10 марта и рад принять князя Львова. Затем, по прибытии своем в Ставку в Могилев, великий князь Николай Николаевич немедленно вступил в командование и, приняв должность Верховного главнокомандующего, отдал о сем приказ, но он не был объявлен, по крайней мере ни самому великому князю, ни его свите не приходилось его встречать. Мне лично тоже не пришлось читать этот приказ в Ставке, хотя я в эти дни бывал постоянно в штабе Верховного, ожидая распоряжений о себе, и, если бы приказ был объявлен, нельзя было бы его пропустить, тем более что все его ждали. Приходится отметить, что «первый приказ Верховного, Николая Николаевича», так же как последний приказ «Верховного, государя императора», от 8 марта, генерал Алексеев, по соглашению с Временным правительством, оповещать не решился, и русской армии побоялись в эти дни совершенного переворота передать прощальное слово царя и вступительный приказ Николая Николаевича.

11 марта великий князь получил письмо от Временного правительства, подписанное князем Львовым. Из этого письма видно, что оно должно было быть доставлено Николаю Николаевичу до прибытия его высочества в Ставку. В этом документе сказано, что Временное правительство незадолго до отречения государя, обсудив народное мнение, решительно и настойчиво высказывающееся против дома Романовых, пришло к заключению, что оно не считает себя вправе оставаться безучастным к голосу народа и убеждено, что великий князь во имя блага родины пойдет навстречу требованиям положения и сложит с себя командование до прибытия в Ставку.

На это письмо великий князь ответил: «Идя навстречу высказанным желаниям, чтобы я сложил с себя Верховное командование во имя блага родины, я это делаю и рад, что

могу вновь высказать любовь к родине, в чем Россия до сих пор не сомневалась, и поэтому отдаю приказ о сдаче командования генералу Алексееву, согласно положению о полевом управлении войск».

Приводимые мною глубокого и высокого значения данные получены мною, как упомянуто выше, из несомненных источников¹.

Очень любопытно, что Временное правительство только в самом конце мая, то есть через три месяца после фактического ухода из армии великого князя, решилось объявить об отчислении от должности Верховного Николая Николаевича. В «Русском инвалиде» от 27 мая 1917 года № 122 появился приказ, помеченный от 11 марта, в котором говорится: числящийся по гвардейской кавалерии и состоящий по Уральскому и Кубанскому казачьим войскам, Верховный главнокомандующий генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич отчисляется от должности вследствие его ходатайства об освобождении от Верховного командования и освобождается от службы.

В этом приказе помещена неправда о «ходатайстве» его высочества об освобождении от Верховного командования. Такого ходатайства не было.

Сдача великим князем Верховного командования генералу Алексееву повергла всех в полное уныние, и стало ясно, что революция теперь не остановится и скорая гибель армии, а с ней и России, неизбежна. Ставка при этом хорошо понимала, что генерал Алексеев Верховным главнокомандующим ни по своему характеру, ни по своим способностям, ни по системе своего труда, при котором он стремился одинаково внимательно разрешить и крупные и мелкие вопросы, быть не может.

Генерал Алексеев был ценный начальник штаба, и не более.

Великий князь отбыл в Крым, где стал жить уединенно частным человеком.

Через несколько дней генерал Алексеев, по моему ходатайству, разрешил мне выехать из Ставки.

¹ Все эти данные получены мною 29 мая/11 июня 1920 года в Риме от генерала барона Стяла по приказанию великого князя Николая Николаевича.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРА

Во вторник, 21 февраля 1917 года, вечером, находясь у себя дома, в Гатчинском дворце, я получил уведомление от командующего императорской главной квартирой графа Фредерикса, что, согласно высочайшему повелению, я назначен сопровождать государя в путешествии в Ставку для несения дежурства при его императорском величестве. Отбытие императорского поезда из Царского Села было назначено около трех часов дня, в среду 22 февраля. Это уведомление явилось несколько неожиданным. Я накануне только что вернулся из Царского Села с дежурства по военно-походной канцелярии, и тогда еще не было никаких разговоров об отъезде. Внутреннее политическое положение было в те дни особенно бурно и сложно, ввиду чего государь все рождественские праздники, весь январь и большую часть февраля находился в Царском Селе и медлил с отбытием в Ставку.

Отчасти государя удерживала и болезнь наследника и великих княжен, заболевших корью, положение которых вызывало большую тревогу. Этой болезнью Алексей Николаевич заразился от одного из товарищей его детских игр в Ставке. Их было двое случайно встреченных во время прогулок в Могилеве: один — кадет Орловского, другой, кажется, Псковского или Полтавского корпусов. Очень милые, скромные мальчики, полусироты, дети очень бедных матерей, они были переведены затем в Петроградские корпуса, изредка навещали Алексея Николаевича, любившего их, и во время минувших рождественских праздников занесли корь из своего корпуса и во дворец. У великих княжен болезнь, хотя и в тяжелой форме, протекала нормально, но хрупкое здоровье Алексея Николаевича очень заботило их величества и не предвещало близкого улучшения.

Я наскоро сделал необходимые распоряжения, простился с взволнованной женой и с тяжелым чувством вы-